

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-189-246>
<https://elibrary.ru/QSGLAL>
УДК 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Ольга ПАНОВА, Александра ФИСЕНКО

ЭРСКИН КОЛДЭУЛЛ В ВОЕННОЙ МОСКВЕ (МАЙ – СЕНТЯБРЬ 1941)

Аннотация: Американский писатель Эрскин Колдуэлл стал известен в СССР в середине 1930-х благодаря журнальным публикациям его рассказов и русскому изданию романа «Табачная дорога» (1938). В переписке Колдуэлла с представителями советских литературных институций — С. Динамовым, Т. Рокотовым, М. Аплетиным — нередко обсуждался возможный приезд американского писателя в Советский Союз. Колдуэлл и известный фотожурналист Маргарет Бурк-Уайт, ставшая его женой в 1939 г., прибыли в Советский Союз после своего путешествия в Китай в мае 1941 г., начав знакомство с СССР с Алма-Аты. Из Казахстана американские гости отправились в Москву, успели побывать на Украине, в Тбилиси, в Сочи и 22 июня встретили начало Великой Отечественной войны вместе с советским народом. В воюющей стране они пробыли до конца сентября 1941 г. Оказавшись в роли свидетелей исторических событий, Колдуэлл и Бурк-Уайт исполнили обязанности военных корреспондентов, сотрудничая с американскими изданиями — газетой *PM*, журналом *Life*. Репортажи Колдуэлла и фотографии Бурк-Уайт печатались и в советской прессе. С июля 1941 г. Колдуэлл вел ежедневные прямые радиозаписи из военной Москвы, которые транслировались в США по CBS. М. Бурк-Уайт провела фотосессию со Сталиным, запечатлела исторический визит в Москву Г. Гопкинса, помощника президента Ф.Д. Рузвельта. В статье с опорой на публикации в американской и советской прессе и архивные материалы восстанавливается история пребывания и работы американской пары в СССР и дается оценка их деятельности как писателей и военных корреспондентов в историко-литературном и политическом контексте первых месяцев Великой Отечественной войны. В приложении к статье публикуется интервью, взятое Колдуэллом у американского посла Л. Штейнгардта для журнала *Life*, но отклоненное советской военной цензурой.

Ключевые слова: советско-американские литературные контакты, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Э. Колдуэлл, М. Бурк-Уайт, Сталин, Л. Штейнгардт, военные корреспонденты, архивные материалы.

Информация об авторах:

Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>. E-mail: olgapanova65@gmail.com.

Александра Сергеевна Фисенко, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-5062-261X>. E-mail: alexa_fisenko@mail.ru.

Для цитирования: Панова О.Ю., Фисенко А.С. Эрскин Колдуэлл в военной Москве (май–сентябрь 1941) // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 189–246. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-189-246>.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-189-246>

<https://elibrary.ru/QSQLAL>

UDC 821.111(73).0+821.161.P.0

This is an open access article

distributed under the Creative

Commons Attribution 4.0

International (CC BY 4.0)

Olga PANOVA, Aleksandra FISENKO

ERSKINE CALDWELL IN WARTIME MOSCOW, MAY – SEPTEMBER 1941

Abstract: Erskine Caldwell became known in the USSR in the mid-1930s through the magazine publications of his short stories and the Russian edition of the novel *Tobacco Road* (1938). In his correspondence with the representatives of Soviet literary institutions — Sergei Dynamov, Timofei Rokotov, Mikhail Apletin — Caldwell often discussed his plans to visit the Soviet Union. Caldwell and the famous photojournalist Margaret Bourke-White, who became his wife in 1939, arrived in the Soviet Union after their trip to China in May 1941, and thus started their acquaintance with the Soviet Union in Alma-Ata. From Kazakhstan the American guests went to Moscow, had time to visit Ukraine, Tbilisi, Sochi, and on June 22 learned about the beginning of the Great Patriotic War. They stayed in the warring country until late September 1941. As eyewitnesses to historic events, Caldwell and Burke-White worked as war correspondents: they reported from the USSR for *Life* magazine and the newspaper *PM*. Caldwell's reports and Burke-White's photographs were also published in the Soviet press. Since July 1941, Caldwell conducted daily CBS live radio broadcasts from wartime Moscow. M. Burke-White held a photo session with Stalin, captured the historic visit to Moscow of Harry Hopkins, President Roosevelt's personal advisor. The article, based on the American and Soviet press and archival materials, reconstructs the history of the American couple's stay and work in the USSR and evaluates their activities as writers and war correspondents in the historical, literary and political context of the first months of the Great Patriotic War. Caldwell's interview with the American Ambassador Laurence Steinhardt for *Life* magazine, which didn't pass the Soviet military censorship is published in the Addendum.

Keywords: Soviet-American literary contacts, World War II, Soviet-German War / Great Patriotic War, Erskine Caldwell, Margaret Burke-White, Stalin, Laurence Steinhardt, war correspondents, archival materials.

Information about the authors:

Olga Yu. Panova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, building 51, 119991 Moscow, Russia; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>. E-mail: olgapanova65@gmail.com.

Aleksandra S. Fisenko, PhD Candidate, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, building 51, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-5062-261X>. E-mail: alexa_fisenko@mail.ru.

For citation: Panova, Olga and Aleksandra Fisenko. "Erskine Caldwell in Wartime Moscow, May – September 1941." *Literature of the Americas*, no. 14 (2023): 189–246. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-189-246>.

Acknowledgement: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 23-18-00393 "Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century", <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Имя Эрскина Колдуэлла стало известно советскому читателю с середины 1930-х — вначале его рассказы появляются в журналах «Красная новь», «Интернациональная литература», «30 дней»¹, а затем выходит книга «Американские рассказы» (М.: Гослитиздат, 1936) с предисловием И.А. Кашкина, в которую вошли избранные рассказы из сборников «Американская вера» (*American Faith*, 1931) «Мы — живые» (*We Are the Living*, 1933) и «На колени перед восходящим солнцем» (*Kneel to the Rising Sun*, 1935). Популярность Колдуэлла быстро растет — в четыре предвоенных года в периодике появляются еще два десятка его рассказов, и в 1938 г. в Гослитиздате выходит роман «Табачная дорога» (*Tobacco Road*, 1932). Всего с 1936 по 1945 гг. вышли пять книжных изданий Колдуэлла общим тиражом более 155 тысяч экземпляров, как явствует из переписки автора с заместителем председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР М.Я. Аплетиным².

Советские критические статьи о Колдуэлле появляются одновременно с первыми переводами. Публикация 1934 г. в «Красной нови» сопровождалась статьей И.А. Кашкина — очерком творчества Колдуэлла³, который на тот момент еще был незнаком советскому читателю. Во второй половине 1930-х Кашкин перевел целый ряд новелл Колдуэлла, стал автором предисловия к сборнику «Американские рассказы» и статей о его творчестве⁴.

Одной из первых публикаций стала рецензия в «Литературной газете» на американское издание сборника рассказов «Мы — живые». В ней подчеркивались левые взгляды американского автора: «Эрскин Колдуэлл принадлежит к той части американских прозаиков, которая

¹ Первые рассказы Колдуэлла публикуются в 1934 г.: «В субботу днем», «Полным-полно щведов» (пер. Н. Дарузес, И. Кашкина — Красная новь. 1934. № 10), «Народный избранник» (пер. Н. Дарузес — Интернациональная литература. 1934. № 3–4). В 1935-м появились три рассказа в «Интернациональной литературе» — «Индеец Джон и Джордж Хопкинс» в пер. Л. Кисловой (№ 5), «Бабе лето», «Рэчел» в пер. И. Романовского и А. Елеонской (№ 11). С этого года рассказы Колдуэлла начинают публиковать и журнал «30 дней»: в № 12 появляется рассказ «Весенний пал» в пер. Н. Волжиной.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1107. Л. 9–12.

³ Кашкин И. Эрскин Колдуэлл // Красная новь. 1934. № 10. С. 208–209.

⁴ Кашкин И. Не та Америка // Интернациональная литература. 1936. № 4. С. 137–141; Кашкин И. Колдуэлл — новеллист // Интернациональная литература. 1941. № 5. С. 172–176. Позже, в 1956 г., Кашкин включит Колдуэлла в сборник своих литературных портретов «Для читателя-современника» (М.: Советский писатель, 1977. С. 125–136).

примкнула к революционному движению». При этом писатель аттестуется как автор «мелкобуржуазный»: «Но типы Колдуэлла [...] это разрозненные мелкие фермеры, оставшиеся в стороне от революционной борьбы. Писателю недостает тесной связи с пролетарскими массами. Поэтому многое для Колдуэлла осталось еще непонятым»⁵.

А. Абрамов в «Литературной газете», напротив, причислил Колдуэлла к пролетарским писателям:

Грэйс Лампкин, Эрскин Колдуэлл, Джек Конрой, Вильям Роллинс и Роберт Кантвелл принесли в литературу воинственную дерзость молодости, пафос юношеской горячности, гневную страстность обвинителей. Они понимали классовую расстановку сил. Они видели мир не сквозь очки интеллигентского либерализма <...>, они становились к станку, брали заступ, кирку или молот не в целях мимикрии, а под давлением железного закона необходимости. Их герои не передевались во фрак после окончания стачки⁶.

С 1935 г. о Колдуэлле начинает писать центральная пресса. В одном из выпусков газеты «Правда» выдержки из очерков Колдуэлла о жизни обычной семьи сельскохозяйственного рабочего в Восточной Джорджии приведены в качестве иллюстрации социального неравенства, распространенного на юге США: «В южных штатах — 25 центов в день обычная зарплата для батрака, работу же те немногие счастливы, которые ее вообще имеют, получают не чаще чем на один день в неделю»⁷.

В 1936 г. выходят публикации о Колдуэлле в обеих главных советских газетах. В «Известиях» в самом начале года появляется большая статья-«подвал» «Новое рабство» специального корреспондента в США В.Г. Ромма, в которой сборник рассказов Колдуэлла «О некоторых американцах» (*Some American People*, 1935) рассматривался в контексте социально-экономической проблематики — тяжелой жизни фермеров-арендаторов южных штатов и неэффективности хозяйственной системы в хлопковой отрасли. Автор статьи цитирует Ленина («Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», 1913), апеллирует к исследованиям университета Северной

⁵ Т. У. Мастер короткого рассказа // Литературная газета. 1934. 12.02.

⁶ Абрамов А. Улицу изрезали баррикады // Литературная газета. 1934. 20.11.

⁷ По столбцам зарубежной печати. В доме батрака из Джорджии // Правда. 1935. 18.03.

Каролины, а взгляды Колдуэлла характеризует как буржуазные, леволиберальные: «Колдуэлл не революционер. Он просто честный американский левый либерал, который возмущен тем, что видит, и стремится об этом рассказать»⁸. Осенью 1936-го в «Известиях» публикуется анонс первого советского книжного издания прозы Колдуэлла — гослитиздатовского сборника «Американские рассказы» («Автор рисует жестокость и жадность мелкого собственника, показывает бесправное положение негра-труженика»⁹), а в «Правде» выходит рецензия на эту книгу Сергея Динамова, уже состоявшего в переписке с Колдуэллом, и высоко ценившего талант американского писателя. В своей рецензии Динамов констатировал упадок американской новеллистики, ее «вырождение» к началу XX в. и утверждал, что с творчеством Колдуэлла связано возрождение жанра:

Его главная тема — быт фермеров, жизнь и заботы тружеников земли. Его рассказы обладают ценнейшим качеством подлинного искусства — они волнуют, потому что в них бьется живая жизнь.

Динамов акцентирует боевой революционный дух американского писателя, раскрывающего миру правду о пороках капиталистического устройства общества:

Колдуэлл нигде не прибегает к общим рассуждениям. Его выводы спрятаны в сюжете [...] Это незримое присутствие выводов пронизывает все новеллы сборника, придавая им боевую направленность¹⁰.

В том же 1936-м в заметке «Нравы американской цензуры», появившейся в «Литературной газете», приводились примеры запрета в США произведений Колдуэлла из-за его левых взглядов:

Эрскину Колдуэллу из-за его книги «Акр Господа Бога», где он описывает нечеловеческие условия жизни фермеров Южных штатов, — нью-йоркским обществом борьбы с пороком был предьявлен иск «за нарушение благопристойности». Пьеса, переделанная Кирклэндом из

⁸ Ромм В.Г. Новое рабство // Известия. 1936. 15.01.

⁹ Известия. 1936. 8.09.

¹⁰ Динамов С. Возрождение американской новеллы // Правда. 1936. 25.10.

романа Э. Колдуэлла «Табачные плантации», была снята с репертуара мэром Чикаго¹¹.

Основная масса публикаций 1937–1940 гг. — рецензии в периодике на советские («Американские рассказы», «Табачная дорога») и американские (*Journeyman*, 1938, *North of the Danube*, 1939) издания Колдуэлла. Среди них выделяется подробная рецензия П. Балашова на новый роман Колдуэлла «Случай в июле» (*Trouble in July*, 1940) в «Литературной газете». К этому моменту американский писатель уже широко популярен в СССР, и автор статьи замечает, что «если бы под его рассказами не стояло хорошо знакомое имя, мы бы все равно легко угадали: да это же Колдуэлл, типичный Колдуэлл». П. Балашов называет Колдуэлла «мастером гротеска», перечисляет особенности его поэтики и отдельно останавливается на стихии комического и умении изобразить «народный характер». Роман «Случай в июле» высоко оценивается Балашовым как пример противоречивого и сложного пути к реализму, как «большая удача писателя и как предвестник крупных и еще более значительных удач»¹².

За два месяца до приезда Колдуэлла в СССР его имя вновь упоминается на страницах «Литературной газеты». А. Абрамов в статье «Американская юмористическая новелла» жалеет о том, что современный американский юмор в Советском Союзе почти не переводится, и даже Колдуэлл, «в творчестве которого “смешное” играет едва ли меньшую роль, чем “страшное”, известен у нас главным образом как мастер трагического гротеска». Новеллы Колдуэлла, на взгляд автора статьи, вплотную подходят к социальной сатире и демонстрируют богатство американского юмора¹³. А через две недели после прибытия Колдуэлла в Советский Союз в «Литгазете» вышла еще одна большая статья А. Абрамова «Америка Эрскина Колдуэлла». В ней проводятся параллели между творчеством Колдуэлла, воссоздающего быт и нравы американской «глубинки», и творчеством Гоголя, изобразившим «темное царство обывательщины» — старосветских помещиков («старый, косный провинциальный быт, цепко хватающийся за про-

¹¹ Нравы американской цензуры // Литературная газета. 1936. 30.05.

¹² Балашов П. Удача Эрскина Колдуэлла // Литературная газета. 1940. 18.08.

¹³ Абрамов А. Американская юмористическая новелла // Литературная газета. 1941. 2.03.

шное, отступает в ужасе перед чем-то новым, свежим, нарушающим привычный уклад жизни»¹⁴).

Приезд в СССР. Начало войны

Тема визита Колдуэлла в СССР возникает в его переписке с советскими корреспондентами еще в середине 1930-х. Идею приезда в Советский Союз он обсуждает в 1936 г. с Сергеем Динамовым (который поспешил сообщить об этом М. Кольцову)¹⁵, затем с Тимофеем Рокотовым, сменившим Динамова на посту главреда журнала «Интернациональная литература», с зампредом Иностранной комиссии Союза писателей Михаилом Аплетиным. Разные обстоятельства все время вынуждали писателя откладывать задуманное путешествие. Так, в 1938-м он рассчитывал приехать в СССР после поездки в Чехословакию, но тогда у него не получилось осуществить свой план. О серьезности намерений Колдуэлла говорит его письмо Т.А. Рокотову от 25 мая 1938 г., где он спрашивает, можно ли будет ему воспользоваться своими гонорарами за публикации произведений, если после посещения Парижа, Лондона и Испании придет ненадолго в Москву¹⁶.

Позже, в 1939-м, Колдуэлл подал запрос на получение визы, но сложная политическая ситуация (заключение советско-германского пакта) вновь нарушила его планы. Долгожданная поездка осуществилась в роковом для истории СССР 1941 г.

Поводов совершить путешествие было несколько. Как пишет Колдуэлл в своей автобиографической книге «Назовите это опытом: годы обучения писательству», после того как была завершена совместная работа над книгой «Скажите, это США?» (*Say Is This the USA*, 1941), Маргарет Бурк-Уайт (1904–1971), знаменитый фотограф, соавтор и жена Колдуэлла, предложила продолжить сотрудничество и создать еще одну (уже четвертую по счету) книгу-фотоальбом, основанную на русском материале¹⁷.

Колдуэлл принял предложение, так как и сам имел большое желание увидеть Москву и поехать по стране до того, как Германия нападет

¹⁴ Абрамов А. Америка Эрскина Колдуэлла // Литературная газета. 1941. 25.05.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 39. Л. 2, 3, 5.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Caldwell, Erskine. *Call It Experience: The Years of Learning How to Write*. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1951: 192.

на Россию. Писатель был уверен, что это, скорее всего, произойдет еще до конца 1941 г. Предположение его подтверждал и тот факт, что посол СССР в США К.А. Уманский неохотно согласился предоставить визы Колдуэллу и его жене: он высказывал опасения, что война застанет их в самый неожиданный момент и предрекал им фашистский плен. Уманский был против того, чтобы писатель брал с собой в поездку жену, считая, что она не выдержит такой трудной дороги. На это Колдуэлл ответил, что Маргарет совершала множество путешествий как до их свадьбы в 1939 г., так и после нее, поэтому является, пожалуй, даже более опытным путешественником, чем он сам¹⁸.

В отличие от Колдуэлла, Бурк-Уайт к 1941 г. уже имела опыт работы в Советском Союзе: в 1930–1932 гг. она трижды приезжала в СССР, чтобы запечатлеть первую пятилетку и ход индустриализации. В первый приезд летом 1930 г. в качестве фотокорреспондента журнала *Fortune* она, с разрешения и при поддержке советских властей, проехала более пяти тысяч миль и сделала около восьмисот снимков разных объектов. Это был беспрецедентный случай, когда иностранный фотокорреспондент был допущен на государственные предприятия, заводы и фабрики.

В объектив Бурк-Уайт попали оборудование Московской текстильной фабрики, Металлургического завода имени Красного Октября в Сталинграде, Цементного завода в Новороссийске, Металлургического комбината в Магнитогорске, процесс строительства моста и дамбы Днепростроя, а также подъемные краны, турбины, тракторы, архитектура Собора Василия Блаженного, серия портретов работников и работниц заводов, крестьян, кондукторов, артистки Большого театра Марии Тимофеевны Семеновы и матери Иосифа Сталина Екатерины Георгиевны Джугашвили [см. Аккерман 2015].

В 1931 г. вышла книга Бурк-Уайт «Взгляд на Россию». Фотографии сопровождалась текстом, в котором был подробно представлен опыт ее пребывания в Советском Союзе «не как общий обзор новой России, а как личные впечатления того, кто был занят путешествием по стране, пытаясь поймать как можно больше через объектив камеры»¹⁹. О том, что книга не вызвала никаких нареканий со стороны советского руководства, свидетельствует тот факт, что Бурк-Уайт было

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Bourke-White, Margaret. *Eyes on Russia*. New York: Simon and Schuster, 1931: 11.

разрешено и дальше посещать СССР, а в 1941 г. была предоставлена возможность фотографировать даже в военное время.

В Москву Колдуэлл и Бурк-Уайт планировали прибыть после путешествия по Китаю. Дорога складывалась непросто. Над Тихим океаном была нелетная погода, и прошло несколько недель задержек и переносов рейсов, прежде чем американцы смогли вылететь из Лос-Анжелеса в Гонолулу и к середине апреля добраться до Гонконга. Весной 1941 г. в разгаре была китайско-японская война, поэтому путешествие на самолете затруднялось постоянными японскими бомбардировками. Лишь спустя неделю им удалось долететь до города Чунцин, в котором их ожидали советские визы.

Известно, что, находясь в Китае, Бурк-Уайт по своему обыкновению не выпускала из рук камеру, и уже 23 июня 1941 г. на страницах журнала *Life* появилось ее фотоэссе, рассказывающее о жизни китайских детей-сирот²⁰. На некоторых фотографиях из этой серии дети закрывают головы, боясь летающих над их городом японских истребителей.

Впечатления от восточного путешествия частично описаны в первой главе книги Колдуэлла «Дорога на Смоленск» (*All-Out On the Road to Smolensk*, 1942). Здесь писатель заостряет внимание на трудностях, с которыми пришлось столкнуться западному путешественнику. В неопубликованной печатной рукописи Колдуэлла «Транзитом через Китай» (*Transit China*) содержится более подробный рассказ об этой поездке. Колдуэлл пишет:

В те времена, когда большая часть мира вовлечена в войну или угрозу войны, путешествие по воздуху из Нью-Йорка в Москву через Тихий океан не следует считать увеселительной прогулкой. Это тяжелое дело, которое я бы рекомендовал только человеку с физической выносливостью носильщика, сообразительностью карточного шулера и безрассудством отчаянного путешественника²¹.

Вместе с ними в это время в Китае находилась Элис-Лион Мотс, корреспондент американского журнала *Collier's Weekly*. В книге «Свидание вслепую с Марсом», посвященной ее семнадцатимесячному

²⁰ Bourke-White, Margaret. "China Relief U.S. Opens Purse." *Life* (23 June 1941): 59–60.

²¹ Caldwell, Erskine. *Transit China*. Цит. по: [Caldwell 2014: 512].

(с августа 1940-го по январь 1942-го) кругосветному путешествию, журналистка так описывает встречу:

Маргарет Бурк-Уайт стояла в поле вместе со своим мужем Эрскином Колдуэллом, окруженная своим 280-килограммовым багажом. Я случайно встретила их в Чунцине, где они получили советскую визу. Между их путешествием и моим была большая разница, так как Уманский все организовал для них из Вашингтона, и им вообще не нужно было ничего ждать. С ними действительно обращались как с большими шишками, они без труда получили билеты на самолет, и им разрешили взять с собой весь их сверхнормативный багаж. Окутанные ореолом славы и очень довольные тем, что стали первыми американцами, отправившимися в Москву по воздушному маршруту, они покинули Чунцин на десять дней раньше меня²².

В Москве действительно готовились к их приезду. Заместитель наркоминдела С.А. Лозовский еще 21 апреля 1941 г. направил специальное письмо в народный комиссариат внешней торговли с просьбой оповестить таможенную службу о том, что Бурк-Уайт разрешается везти в СССР свою фототехнику, которую надлежит зарегистрировать на границе. Еще раньше Т. Рокотов согласовал денежный вопрос со всеми инстанциями, в том числе с Лозовским, и 2 апреля перевел Колдуэллу 2 тыс. рублей до востребования на алма-атинский главпочтамт.

Однако несмотря на всю эту подготовку и на статус «вип-персон», который приписывает своим соотечественникам Э.-Л. Мотс, Колдуэлл и Бурк-Уайт постоянно сталкивались в дороге с разными трудностями. Перелет через китайский город Хами в Алма-Ату множество

Техника М. Бурк-Уайт. Фото М. Бурк-Уайт

²² Moats, Alice-Leon. *Blind Date with Mars*. Garden City, NY: Doubleday, Doran, 1943: 156.

раз откладывался из-за проблем с погодой и неисправности самолета. Как писал Колдуэлл, при благоприятном стечении обстоятельств такой полет занял бы около 11 часов, однако время, которое они потратили на дорогу, составило 12 дней. Осложнялась ситуация тем, что путешественники имели при себе ненормированный багаж — чемоданы с оборудованием для фотосъемки, весившие более пятисот фунтов.

Очередная пересадка в пустыне Гоби дала путешественникам понять, что они находятся достаточно близко к Советскому Союзу — на стенах аэропорта были размещены портреты Сталина, Ленина и командиров Красной Армии. Здесь им вновь пришлось ожидать подходящего времени, чтобы отправиться в дальнейший путь — на этот раз помешала песчаная буря. Дальше последовали приключения, связанные с плохой работой телеграфа. 5 мая Колдуэлл отправил из Хами в Москву две телеграммы — Т. Рокотову в «Интерлит» с повторной просьбой выслать деньги на дорогу до Москвы (первый раз он просил об этом в телеграмме от 27 марта) и в Госиздат — тоже с сообщением, что обещанных денег на дорогу они пока так и не получили. Кроме того, Колдуэлл просил заказать им специальный рейс для перелета в Алма-Ату (который они были готовы оплатить, лишь бы поскорее попасть в СССР), поскольку из-за «неполадок с аэропланами в Китае» непонятно, как скоро получится улететь каким-то регулярным рейсом.

В «Интерлит» отправленная из Хами телеграмма дошла только 9 мая.

Прибывшие наконец 6 мая в Алма-Ату Колдуэлл и Бурк-Уайт, поселившись в гостинице «Дом Советов», четыре дня ждут денег, выдачи багажа и оформления документов. Между тем в Москве 8 мая Рокотов, еще не зная, что гости уже в СССР, телеграфирует Колдуэллу в Хами, что деньги ждут его в казахской столице. Получив только на следующий день, 9-го, тревожную «молнию» Колдуэлла, датированную еще 5-м числом, он в панике шлет срочную телеграмму уже в Алма-Ату, в гостиницу «Дом Советов»: «Две тысячи рублей переведены вам давно адрес Почтамт до востребования ваше имя ждем Москве»²³. К счастью, вторая телеграмма Колдуэлла в «Гослитиздат» пришла раньше, 7-го, и Лозовский на тот момент уже отдал все нужные распоряжения по вызволению американских путешественников и доставке их в Москву.

²³ Эту переписку см.: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 853. Л. 58–63.

В конце мая Рокотов отправит жалобу в Наркомат связи и будет долго ряздиться со связистами, выясняя, почему «молния» шла из Хами в «Интерлит» целых четыре дня и почему отправленная одновременно точно такая же телеграмма в «Гослитиздат» умудрилась прийти на два дня быстрее. Как явствует из служебной переписки, вразумительных объяснений он так и не получил²⁴.

Путешествие Колдуэлла и Бурк-Уайт из Алма-Аты в Москву (протяженностью примерно в 3000 километров) прошло быстро и без происшествий. Они провели ночь в Актюбинске, и в полдень 12 мая после беспосадочного полета продолжительностью шесть с половиной часов увидели Москву: «Самолет пролетел низко над городом, сделал круг над Кремлем и Красной площадью, и приземлился в переполненном самолетами аэропорту рядом со стадионом “Динамо”»²⁵. Позже Маргарет Бурк-Уайт подсчитала [Caldwell 1999: 127], что за время перелета из Гонконга в Москву, длившегося целый месяц, в воздухе ими было проведено всего двадцать четыре часа.

Сразу по прибытии с американскими гостями встретились представители «Интернациональной литературы». В беседе с ними Бурк-Уайт отметила поразивший ее масштаб изменений, произошедших за девять лет со времени ее последнего приезда, и что самым сильным впечатлением стало московское метро. Колдуэлл признался, что знает о Советском Союзе очень мало и что он давно мечтал приехать сюда, поскольку ему приходилось слышать немало противоречивых суждений об СССР. О своих первых впечатлениях от страны он сказал, что его «как писателя, всегда интересовал вопрос, почему в Советском Союзе так много читают» и его «глубоко поразило одно обстоятельство: в СССР несравненно больше знают американскую литературу, чем в США советскую». На вопрос, какая советская книга пользуется наибольшей популярностью в США, Колдуэлл ответил: «Самой популярной советской книгой в США я считаю “Одноэтажную Америку” Ильфа и Петрова». В завершение разговора он заявил: «Сейчас СССР и США единственные страны, где можно издавать и читать книги. Весь остальной мир объят пламенем войны...». Говоря о текущей политической ситуации, Колдуэлл подчеркнул, что он не сторонник изоляционизма, и считает, что США должны вступить

²⁴ Там же. Л. 64–67.

²⁵ Caldwell, Erskine. *All-Out on the Road to Smolensk*. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1942: 16. Далее ссылки на это изд. даны в тексте в скобках с пометой AORS и указанием страниц.

в войну на стороне Англии, однако «в народе Америки идея войны далеко не популярна»²⁶.

Американских гостей в Москве сопровождали Лидия Дмитриевна Кислова (1899–1987) — переводчица (в том числе Э. Хемингуэя), литературный критик, заведующая Англо-американским отделом ВОКС, и Раиса Давыдовна Либерзон (по первому мужу Орлова; 1918–1989) — критик-американист, литературовед, сотрудница ВОКС в 1940–1947 гг., в будущем — жена Л.З. Копелева (с 1956 г.). В своем кратком отчете от 19 мая 1941 г. для советского Полпредства в США они отчитывались о том, как прошла первая неделя визита, и сообщали, что в отличие от «затворника» Колдуэлла, почти все время проводящего у себя в гостиничном номере за письменным столом, Бурк-Уайт постоянно ездит по городу и активно фотографирует²⁷. Первоначальной целью визита американской пары было задокументировать жизнь Советского Союза в предвоенные месяцы, поэтому в мае-июне 1941 г. в объектив камеры Бурк-Уайт попадали в основном сцены из повседневной жизни москвичей. Фотограф делала героями своих снимков детей в детских садах, женщин в магазинах одежды, священников, актеров и писателей, посетителей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, зрителей на спортивных стадионах.

Образ Колдуэлла как «затворника», судя по всему, был художественным преувеличением. Хотя писатель временами и уединялся в гостиничном номере для работы, у него тоже была весьма насыщенная программа «культпоказов» и встреч. 25 мая 1941 г. на первой странице «Литературной газеты» была размещена заметка о приезде в Москву писателя Эрскина Колдуэлла и его жены, «известного американского фотомастера». В ней сообщалось, что за несколько дней, проведенных к тому моменту в столице СССР, писатель познакомился со строительными работами в городе и учебными заведениями, посетил несколько спектаклей, присутствовал на вечере армянской литературы в зале им. Чайковского. Говорилось в заметке и о намерении американских гостей «совершить небольшое путешествие по нашей стране»²⁸, — и действительно, планируя свое пребывание в Советском Союзе, они хотели посетить Белоруссию, Украину, Кавказ и часть Сибири. Дру-

²⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 39. Л. 33–34.

²⁷ АВП. Ф. 129. Оп. 25. Д.37. Папка 142.

²⁸ Эрскин Колдуэлл в Москве // Литературная газета, 1941. 25.05.

гие иностранные журналисты, находящиеся в Москве на протяжении многих месяцев и не преуспевшие даже в покупке билетов на поезд до Ленинграда, предупреждали Колдуэлла и Бурк-Уайт, что им повезет, если у них получится доехать хотя бы до пригорода столицы. Спустя три недели после приезда в Москву, после множества безуспешных попыток получить разрешение на поездку по стране, наконец был достигнут компромисс с советскими инстанциями: супругам было разрешено посетить только Харьков, Тбилиси и побережье Черного моря.

В предвоенном письме главного редактора «Интернациональной литературы» Тимофея Рокотова американскому писателю Ричарду Райту упоминается о том, что в настоящий момент в Москве гостят супруги Колдуэлл, и приняли их в Советском Союзе, как ему кажется, «хорошо, любезно и внимательно» [Панова 2017: 223]. Рокотов упоминает о планах американской пары предпринять путешествие по СССР и снова вернуться в Москву. В середине июня они действительно направились на черноморский курорт в Сочи через Украину. В качестве переводчиков и гидов в пути их сопровождали советский писатель Евгений Петров и помощник редактора отдела иностранной литературы Союза писателей Елизавета²⁹, при помощи которой Маргарет Бурк-Уайт пыталась выучить русский язык.

Начало войны застало их в Сухуми. В одной из своих статей для журнала *Life* Колдуэлл вспоминает этот день: «Я был на побережье Черного моря, когда в полдень 22 июня Молотов объявил по радио, что война началась. Я видел толпы людей, молча собравшиеся вокруг громкоговорителей на улицах. Никто там в тот день не подбрасывал шляпы в воздух. Никто не хотел войны»³⁰.

Весь день Колдуэлл и Бурк-Уайт провели, разъезжая со своими переводчиками из одного колхоза в другой, чтобы узнать, что думают о случившемся люди. В отличие от Запада, где давно появлялись прогнозы о возможности войны СССР и Германии и это событие было ожидаемо, советские граждане не подозревали о готовящемся вторжении в их страну. К вечеру американцы добрались до крупного цитрусового колхоза «Ленинский путь», на постройках которого были установлены громкоговорители. Транслировался перевод речи

²⁹ Bourke-White, Margaret. *Shooting The Russian War*. New York: Simon and Schuster, 1943: 35. Далее ссылки на это изд. даны в тексте в скобках с пометой SRW и указанием страниц.

³⁰ Caldwell, Erskine. "Behind Russian Lines." *Life* (28 July, 1941): 23.

Уинстона Черчилля, произнесенной ранее в тот же день в британском парламенте. Великобритания, заявил премьер-министр, будет стоять вместе с Советским Союзом против их общего врага [Caldwell 1999: 128]. Бурк-Уайт пишет, что видела, как слезы текли по щекам крестьян, жизнь которых поменялась в один момент [SRW: 51].

С началом войны стало намного сложнее достать билеты на поезд, но, пользуясь знаменитым именем Колдуэлла и его жены, а также их привилегированным статусом приезжих американцев, Петров в короткие сроки смог уладить эту проблему. Через несколько дней супругам удалось занять места в поезде до Москвы, но, по воспоминаниям Колдуэлла, у них возникли сложности с тем, чтобы достать еду. «Мне казалось, — писал он, — что большую часть времени бодрствования я проводил, стоя в очереди за кипяченой водой для приготовления чая каждый раз, когда поезд останавливался на станции. Еду я добывал, высовываясь из окна вагона и умоляя какую-нибудь пожилую женщину продать мне два ковша каши вместо одного»³¹.

Дорога до Москвы лежала через Украину, промышленную зону реки Дон и на север через центральную часть РСФСР. Спустя 4 дня, проехав 1500 миль, Колдуэлл и Бурк-Уайт вместе с Евгением Петровым вернулись в столицу утром 28 июня.

Тесное общение с Петровым продолжалось на протяжении всего пребывания американцев в Советском Союзе — советский писатель стал «добровольным гидом» и другом американской пары. В книге воспоминаний о Евгении Петрове писатель Лев Славин, который занимался в то время освещением событий на Ленинградском фронте, приводит интересный эпизод встречи с американским писателем в августе 1941 г.:

Колдуэлл оказался единственным крупным американским литератором на нашей территории в ту начальную пору войны. Евгений Петров, друживший с Колдуэллом, приводил к нему приезжавших с фронта литераторов, для того чтобы они начинали его «боевой» информацией. Это был довольно еще молодой человек болезненной наружности, с мягкими манерами. Он поразил меня двумя своими особенностями. Во-первых, размерами своего шлема. Тогда Москву бомбили, и Колдуэлл во время бомбежек надевал этот свой стальной шлем, который покрывал не только голову, но и плечи, и даже часть

³¹ Caldwell, Erskine. *Call It Experience*: 202.

спины³². [...] Вторая вещь, которая поразила меня в Колдуэлле, — это его не совсем уверенные познания в географии Европы. Когда я рассказывал ему о положении на Ленинградском фронте, выяснилось, что он не только не догадывается о существовании на свете Финского залива, но и не совсем четко представляет себе, где расположены Финляндия и Балтийское море³³.

На недоумение Славина Петров отвечал, что необычный шлем объясняется тем, что американцы любят не только свою голову, но также «очень привязаны» к своей спине и к своим плечам, а глубокие познания в географии совершенно не требуются такому узкому специалисту, как Колдуэлл. «Он умеет только одно, — говорил Петров, — хорошо писать. Больше ничего. Скажите откровенно: вы считаете, что для писателя этого мало?»

Советского и американского писателей связала крепкая дружба, и гибель Петрова (2 июля 1942 г.) стала для Колдуэлла тяжелой потерей. Через пять дней после его смерти Колдуэлл и Бурк-Уайт отправили в СССР телеграмму с искренними, глубокими соболезнованиями³⁴.

Кроме упомянутых выше встреч с фронтовиками, организованных Петровым, Колдуэлл и Бурк-Уайт посещали дома деятелей культуры (например, свой 37-й день рождения 14 июня Маргарет отметила на даче у Григория и Любови Орловых во Внуково), встречались с писателем Алексеем Толстым, присутствовали на съемках фильма с участием актрисы Любови Орловой «Боевой киносборник № 4», ходили в цирк и в театр. Есть также сведения, что летом 1941-го знаменитый советский режиссер Сергей Эйзенштейн устраивал

³² В книге Маргарет Бурк-Уайт «Снимки русской войны» дается следующая характеристика упомянутого шлема: «Мы надевали наши российские военные шлемы всякий раз, когда подходили к подоконникам или балкону, но теперь [Эрскин] сменил свой на огромный шлем, который мэр Москвы [Василий Пронин] предоставил ему специально для поездок на радиостанцию. У него был стальной козырек, который выступал над его лицом, и металлический фартук, который охватывал грудь и спину, и он, возможно, был разработан для марсианского вторжения» [SRW: 123].

³³ *Славин Л.* Я знал их // Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове / под ред. В.Д. Острогорской. М.: Советский писатель, 1963. С. 48–50.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 39. Л. 17-19. Опубликовано в газете «Литература и искусство» (11 июля. № 28) следом за коллективным некрологом от советских писателей под заглавием «Скорбим вместе с вами»; а также в: Интернациональная литература. 1942. № 7. С. 138.

американской паре приватный показ своего фильма «Александр Невский» [Волков 2006: 136].

Э. Колдуэлл и А. Толстой.
Фото М. Бурк-Уайт

Военные корреспонденты

Когда 28 июня 1941 г. Колдуэлл с женой после путешествия на юг страны вернулись в отель «Националь», они обнаружили в своем номере множество радиограмм и писем из США: новостные издательства, редакторы газет и журналов предлагали им стать их военными корреспондентами. Еще одну часть предложений Колдуэлл и Бурк-Уайт получили при встрече с послом Соединенных Штатов в Советском Союзе Лоуренсом А. Штейнгардтом, который настоятельно рекомендовал им покинуть Советский Союз, последовав примеру прочих иностранных дипломатов, писателей и путешественников. Но, оказавшись в центре великих исторических событий, Колдуэлл и Бурк-Уайт отказались уезжать и сразу принялись за работу, заключив договоры с несколькими изданиями.

В качестве московского корреспондента Колдуэлл сотрудничал с крупным синдикатом — Североамериканским газетным альянсом (North American Newspaper Alliance — NANA), журналом *Life* и таблоидом *PM*. Эта газета, созданная известным редактором, издателем и литератором Ральфом Ингерсоллом в 1940 г. (и просуществовавшая всего 8 лет), была новаторским проектом: в ней не было рекламы, но был спонсор (чикагский миллионер Маршалл Филд III), передовицы были не в каждом номере, и их всегда подписывал сам Ингерсолл. С первых дней войны он стал писать Колдуэллу, настойчиво убеждая его стать постоянным московским военным корреспондентом *PM* и уволиться из NANA, обещая более высокую зарплату. У писателя был опыт сотрудничества с *PM* — в 1940-м, когда газета только начиналась, он написал для нее серию статей о сборе урожая пшеницы в Канзасе, приняв в качестве оплаты акции стоимостью в две

с половиной тысячи долларов вместо денег и таким образом став акционером компании, что послужило дополнительным аргументом в пользу предложения Ингерсолла³⁵. Но, может быть, еще важнее было благосклонное отношение к *PM* в СССР. В июле 1941 г. посол СССР в США К. Уманский направил Лозовскому письмо с характеристикой Ральфа Ингерсолла, в котором подчеркивалось, что его газета «целиком посвящает себя задаче разгрома фашизма», и ее сотрудники готовы дружелюбно освещать героическую Отечественную войну русского народа³⁶. Месяцем позже рекомендательное письмо было передано Лозовским Сталину и Молотову.

В *PM* вышло несколько материалов Колдуэлла³⁷. Ингерсолл и сам побывал в Москве в сентябре 1941-го: провел там несколько важных встреч, взял интервью у Сталина и, разумеется, виделся с Колдуэллом, Бурк-Уайт и послом Штейнгардтом.

И Колдуэлл, и Бурк-Уайт также работали для журнала *Life*. Сотрудничество Маргарет Бурк-Уайт с известным журналистом и медиамагнатом Генри Люсом началось в 1929 г., когда он пригласил ее на работу в журнал *Fortune*, для которого она делала свои фоторепортажи о советской индустриализации. Эти фотографии были уникальными, так как иностранному фотографу добиться разрешения снимать советские государственные объекты было архисложно. К фотосъемкам советская власть относилась нервно, и человек с фотоаппаратом всегда был под подозрением. С 1936 г., когда Генри Люс купил *Life*, Бурк-Уайт стала первой женщиной-фотокорреспондентом журнала. Разумеется, ее поездка в СССР 1941 г. также предполагала появление ее фоторепортажей.

В своей книге «Снимки русской войны» Бурк-Уайт пишет, что после начала войны потребовалось около двух недель, чтобы получить необходимый документ с разрешением на фотосъемку в военных условиях, и это было единственное такое удостоверение, выданное в то время фотографу-иностранцу.

Дождавшись разрешения продолжать фотосъемку, в конце июня Бурк-Уайт сразу же приступила к работе. Она снимает крас-

³⁵ См. об этом: Caldwell, Erskine. *Call It Experience*: 204–205.

³⁶ С.А. Лозовский — И.В. Сталину и В.М. Молотову. 16 августа 1941 г. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 281. Л. 53–54.

³⁷ Например, в номере от 5.09.1941 появились интервью, взятое Колдуэллом (“Soviet Colonel Tells How Nazi Blitz Was Shattered”) и репортаж о бомбардировках Москвы (“Nazi Bomb Comes for Breakfast . . . And Wipes Out Family of Six”).

ноармейцев, рабочих у станков, станции метрополитена, превращавшиеся во время авианалетов в бомбоубежища, военную технику. На ее фотографиях запечатлены первые бомбардировки Москвы — зарево и вспышки в небе, представлявшие собой величественное и грозное зрелище.

За время ее пребывания в СССР в *Life* были опубликованы три ее больших фоторепортажа: «Фотограф *Life* смотрит на Москву за неделю до нацистского вторжения» (“A Life Photographer Looks At Moscow a Week Before the Nazi Invasion Began”, вып. 11 августа); «Москва отбивает нацистские бомбардировки и готовится к затяжной войне» (“Moscow Fights Off the Nazi Bombers and Prepares for a Long War”, вып. 1 сентября), «Как я снимала Сталина и Гопкинса в Кремле» (“How I Photographed Stalin and Hopkins Inside the Kremlin”, вып. 8 сентября). Еще два репортажа по итогам пребывания в военной Москве появились 27 октября (“Moscovites Take Up Their Guns as Nazi Horde Approaches Russian Capital”) и 17 ноября (“Russian Mud and Blood Stall German Army”).

Колдуэлл за время пребывания в Советском Союзе опубликовал в *Life* два больших репортажа, описывающие буд-

Москва. 26 июля 1941 г. Ночной налет люфтваффе. Фото М. Бурк-Уайт

Бомбоубежище. Станция метро Маяковская. Фото М. Бурк-Уайт

Улицы военной Москвы. Фото М. Бурк-Уайт. 1941

ни военной Москвы: «В русском тылу» и «Россия в военное время»³⁸. Тексты статей Колдуэлл передавал редакторам американского журнала по телеграфу, предварительно согласовав их с советской цензурой.

Интервью с послом Л. Штейнгардтом

В условиях военного времени цензурный надзор в отношении зарубежных корреспондентов в СССР еще более ужесточился. Все их материалы — статьи, заметки и тексты радиозаписей — подвергались тщательной редакции, и только после этого допускались к публикации или к передаче в западные страны. Журналисты, которые пытались обойти цензуру, представляли перед военным трибуналом или выслались домой с запретом на въезд в Советский Союз. Колдуэлл, как и другие корреспонденты, выполнял обязательства и предоставлял свои материалы цензорам. Известно, что как минимум один его материал не был пропущен в американскую печать — интервью, взятое 19 июля у американского посла в СССР Лоуренса Штейнгардта и предназначавшееся для журнала *Life*.

Посол США в СССР
Л. Штейнгардт. Официальное
фото. Public domain

Колдуэлл подготовил текст для передачи телеграфом в США, завизировал его у Штейнгардта, однако отправить интервью в *Life* не удалось. Был подготовлен русский перевод этого материала, и в НКВД внимательно изучили его (о чем свидетельствуют пометы карандашом в переводном тексте). Особое внимание привлек ответ посла на вопрос интервьюера, сможет ли Красная армия оказать успешное сопротивление агрессору:

Чрезмерно полагать, что Советская армия в состоянии удерживать в течение неопределенного времени линию Москва-Ленинград-Киев против всей тяжести немецких сил [...] Но я полагаю, что линию значительно западнее Уральских гор можно будет удерживать. Время года будет иметь чрезвычайное значение, как решающий фактор в будущих операциях. После октября для немцев будет крайне затруднительно справиться с положением, при котором существовали бы чрезмерно

³⁸ Caldwell, Erskine. "Behind Russian Lines."; Caldwell, Erskine. "Russia in Wartime." *Life* (8 Sept., 1941): 14.

длинные линии связи, главным образом, вследствие транспортной проблемы и проблемы питания, с которыми они столкнулись бы³⁹.

Об интервью посла доложили В.М. Молотову, и 25 июля наркоминдел пригласил посла для беседы, в ходе которой вслух зачитал этот фрагмент текста и раскритиковал прогноз Штейнгарда о ходе военной кампании.

Молотов заявил, что он, во-первых, не может согласиться с оценкой, данной Штейнгардтом положению Советской Армии, так как эта оценка совершенно не соответствует действительности. Во-вторых, он должен сказать, что поскольку дело идет о возможности опубликования такого заявления в печати, то это вызывает большое удивление у Советского правительства, оценивающего такое заявление официального представителя США как нелояльный шаг по отношению к Советскому Союзу [...] В то время, заявил Молотов, как официальные представители американского правительства Рузвельт и Уэллес высказались за всемерную помощь СССР в борьбе против фашизма, такое официальное лицо, как посол США, санкционирует опубликование интервью, которое не только не может оказать СССР и Красной Армии обещанной американским правительством помощи, но, наоборот, может причинить вред⁴⁰.

Вопрос был действительно жизненно важным. Как упоминалось выше, уже 22 июня 1941 г., то есть сразу после нападения Германии на СССР, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль выступил с речью, в которой обозначил новую официальную позицию по отношению к Советскому Союзу: «Вторжение в Россию — лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам» [ИД 1975: 186]. Президент США Франклин Рузвельт, выступая на пресс-конференции в Белом доме 24 июня 1941 г., заявил, что «Соединенные Штаты Америки окажут всевозможную помощь России» [САО 2004: 141]. Тем не менее, и американцы, и англичане сомневались в способности СССР оказать серьезное сопротивление

³⁹ АВП РФ. Ф.6. Оп. 3 АВТО. Д. 56. Папка 5. Полный текст интервью на англ. и рус. см. в Приложении.

⁴⁰ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом США в СССР 24 июля 1941 г. [САО 1984: 75, 77]. См. об этой встрече Молотова с послом Штейнгардтом и о судьбе интервью Колдуэлла: [Dunn 1998: 127].

немецкой военной машине. Выдвигались предположения, что Красная армия сможет противостоять Германии от одного до трех месяцев [Печатнов 2006: 20]. Газета *New York Post* в выпуске от 27 июня предрекала: «Понадобится самое большое чудо за все времена с тех пор, как была написана Библия, чтобы спасти красных от полного поражения в кратчайшие сроки». С этими настроениями советское политическое руководство старалось бороться всеми способами. В записи от 2 августа в своем военном дневнике «Москва под огнем» Эрскин Колдуэлл пишет: «Лозовский добродушно подшучивал над пророками, которые предсказывали легкую победу над Советским Союзом. Он говорил, что даже в Англии и Америке были “диванные эксперты” (“café strategists”), которые думали, что Германия разгромит СССР через месяц»⁴¹.

Из-за неуверенности в способности СССР выстоять в начавшейся войне США не торопились распространять закон о ленд-лизе на Советский Союз. Переговоры об экономической поддержке шли трудно и постоянно натывались на бюрократические препятствия. Переломным моментом в отношениях трех стран стал визит в Москву в июле 1941 г. представителя американского правительства и ближайшего помощника президента Рузвельта Гарри Гопкинса [Комарков 2012]. В результате своей миссии он смог убедиться, что военное положение в Советском Союзе не соответствует столь катастрофическим прогнозам, и в дальнейшем все расчеты США и Англии перестали строиться на уверенности в скором поражении России.

Интервью Штейнгардта с «пораженческими настроениями» было дано как раз в тот день, когда Сталин отправил свое первое прямое послание Черчиллю (ответ на обращения к нему британского премьера от 8 и 10 июля) с предложением открыть второй фронт против Гитлера, через неделю после подписания советско-британского пакта (12 июля) и за десять дней до встречи Гопкинса со Сталиным (которая состоялась 30 июля)⁴². В этом контексте понятны и раздражение Молотова, и согласие Штейнгардта отказаться от публикации интервью («Штейнгардт просил Молотова вернуть ему интервью, которое он, возможно, вообще порвет и не будет опубликовывать»),

⁴¹ Caldwell, Erskine. *Moscow Under Fire. A Wartime Diary: 1941*. London; New York; Melbourne: Hutchinson, 1942: 43.

⁴² См. о подготовке визита Гопкинса в СССР летом 1941 г.: *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. М.: Наука, 1965 (глава «Гарри Гопкинс летит в Москву»).

а также и тот факт, что в заключение беседы Штейнгардт подчеркнул — «интервью, о котором шла речь, не появилось бы в печати раньше, чем через 8–10 недель»⁴³, то есть оно никак не помешало бы переговорам с Гопкинсом⁴⁴. Материал Колдуэлла не был напечатан в *Life*, что, впрочем, никак не отразилось на высокой репутации писателя-военкора в США и СССР.

«Советский иностранный корреспондент»

Помимо работы на американские издания, Колдуэлл печатался и в советской периодике. Во время его пребывания в СССР вышло около десятка его публикаций в газетах и журналах. Эти публикации соответствовали основным жанрам советской прессы: заявления и обращения⁴⁵, интервью и репортажи. В сдвоенном летнем выпуске «Интернациональной литературы» (№ 7–8 за 1941 г.) блок колдуэлловских материалов включал интервью «Эрскин Колдуэлл о перспективах американо-советского культурного сближения», данное специально для «Интерлита» и посвященное важности культурных контактов (литература, кинематограф, пресса) для укрепления взаимопонимания и доверия между странами-союзниками, а также перевод из радиовыступления Колдуэлла под заголовком «Ночью на улицах Москвы», предварявшийся преамбулой от редакции с описанием работы Колдуэлла на информационном фронте («Выступления Эрскина Колдуэлла по радио в прессе США»)⁴⁶. Перевод еще нескольких радиовыступлений был опубликован в «Интерлите» в рубрике «Репортаж» в последнем номере 1941 года⁴⁷.

В журнале «Кино» (вып. 8 августа 1941 г.) была напечатана статья-рецензия Колдуэлла «Советская фронтовая хроника»⁴⁸. В годы войны в регулярных выпусках «Союзкиножурнала» советским

⁴³ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом США в СССР 24 июля 1941 г. [САО 1984: 77].

⁴⁴ Подробнее см. Приложение.

⁴⁵ Колдуэлл Э. Бойцы Советского Союза, на вас смотрят народы всех стран // Труд. 1941. 10.09; Колдуэлл Э. Советский народ непобедим // Советское искусство. 1941. 18.09.

⁴⁶ Интернациональная литература. 1941. № 7–8. С. 199–201.

⁴⁷ Колдуэлл Э. Московские впечатления / пер. с англ. П. Охрименко // Интернациональная литература. 1941. № 11–12. С. 228–231.

⁴⁸ Колдуэлл Э. Советская фронтовая хроника // Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг.: документы и свидетельства. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 119.

гражданам демонстрировались сюжеты кинохроники: фронтовые репортажи, очерки, портретные зарисовки красноармейцев. Статья Колдуэлла посвящена нескольким выпускам хроники: «Эпизоды боев Красной Армии с германскими войсками, показанные в новых выпусках «Союзкиножурнала» (№ 70–74), производят на зрителя огромное впечатление. Благодаря фронтовой кинохронике представление о нынешней войне, составленное на основе газетных сообщений, расширяется, дополняется, становится более отчетливым». Писатель восхищается мужеством и хладнокровием фронтовых операторов, подмечает убедительность кадров, демонстрирующих сбитые и горящие на земле фашистские бомбардировщики, особенно выделяет эпизоды бытовых деталей жизни красноармейцев.

Уже по возвращении Колдуэлла и Бурк-Уайт в США в конце года появились переводы двух рассказов Колдуэлла на злободневную тему — Европа под оккупацией немецких нацистов⁴⁹, а в 1942 г. в «Интерлите» было опубликовано их соболезнование в связи с гибелью Евгения Петрова и поздравление с юбилеем Октября⁵⁰.

Работу Колдуэлла-военкора высоко ценили в СССР. «Правда», помещая материал об откликах западной прессы на обращение Сталина по радио к советскому народу, подробно останавливается на сообщениях «московского корреспондента Североамериканской газетной ассоциации, известного американского писателя Колдуэлла» и цитирует его публикацию в *New York Times*⁵¹.

Колдуэлл без всяких проблем получил в первые дни войны специальный пропуск для беспрепятственного перемещения по городу в ночное время, который был введен с началом войны. В беседе с заместителем наркоминдела С.А. Лозовским 2 июля посол США советовал Лозовскому усилить бдительность при общении с находящимися в Москве американскими корреспондентами, так как не всем из них можно доверять, а Советский Союз заинтересован в том, чтобы в американскую прессу поступали только хорошие вести. При этом

⁴⁹ Колдуэлл Э. Экспрессом через Татры. Нацистский агент в Праге / пер. с англ. И. Кашкина // Октябрь. 1941. № 9–10. С. 138–143.

⁵⁰ Колдуэлл Э. Советскому Союзу в связи с 25-летием Октябрьской революции // Интернациональная литература. 1942. № 11. С. 113.

⁵¹ Зарубежные отклики на выступление по радио товарища Сталина // Правда. 1941. 6.07.

Штейнгардт положительно отозвался о супругах Колдуэлл, называя их «серьезными людьми, заслуживающими доверия»⁵².

Свидетельство того, насколько важной и успешной была миссия Колдуэлла в СССР, можно найти и в переписке Т. Рокотова с американским коммунистом, журналистом и редактором Уолтом Кармоном, несколько десятилетий игравшим роль советского культурного эмиссара в США. В письме ему от 30 июня 1941 г. Рокотов пишет: «Часто вижу Колдуэлла. Он очень хорошо держится. Вчера он говорил по радио, и мы имеем уже отклики, что его хорошо слышали в Америке»⁵³. 15 сентября Кармон отвечает:

Я был очень обрадован, узнав, что Вы нашли Колдуэлла неплохим парнем. Его выступления по радио и корреспонденции в «П.М.» читаются здесь с большим вниманием и принимаются очень благожелательно. Я посылал вам вырезки, и к настоящему времени вы должны были получить их уже довольно большое количество. Его простая и наивная информация — именно то, к чему привыкли американцы и что они понимают. Лично мне кажется, что это неоценимо правильно в настоящее время, и мне приходилось слышать положительные оценки этой работы Колдуэлла отовсюду. А так как подобный материал исходит от такого уважаемого писателя, как Эрскин Колдуэлл, то большое счастье, что он оказался в Москве в это время⁵⁴.

В 1942 г. Рокотов опубликовал в «Интерлите» большую статью о вышедшей в США книге Колдуэлла «Дорога на Смоленск», где с огромным уважением пишет об американском писателе, его мужестве и таланте, о той важной миссии, которую он выполнил, находясь в Советском Союзе в первые, страшные месяцы войны. Рокотов особенно подчеркивает профессионализм Колдуэлла, его умение работать с американской аудиторией:

Колдуэлл отнюдь не предлагает верить ему на слово. Он знает своего американского читателя, его трезвый практицизм и деловитость. И писатель подтверждает каждое свое положение многочисленными

⁵² Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С.А. Лозовского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом. 2 июля 1941 г. [ДВП 2000: 94–98].

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед.хр. 842. Л. 118.

⁵⁴ Там же. Л. 138–139.

примерами. [...] Сам Колдуэлл в этом смысле — прекрасный образец американца. Хорошо уяснив себе, что такое фашизм, Колдуэлл стал неутомимым пропагандистом более энергичного и быстрого выступления вооруженных сил США против гитлеризма. Об этом, в частности, говорит и последнее высказывание писателя в пользу скорейшего открытия второго фронта на европейском континенте⁵⁵.

И, конечно, проявлением доверия и уважения советской стороны стали согласие Сталина на фотосессию, о которой просила Бурк-Уайт, и беспрецедентное решение позволить Колдуэллу вести из Москвы прямые эфиры для CBS, в то время как все иностранные корреспонденты могли выступать по радио только в записи.

“This is Moscow ...” Прямые эфиры CBS

С конца июня крупной радиовещательной корпорации CBS (Columbia Broadcasting System) удастся договориться о том, что Колдуэлл будет ежедневно вести прямые трансляции из Москвы для американских радиослушателей.

1 июля 1941 г. в газете «Правда» вышла заметка о первом выступлении Колдуэлла по радио. Согласно ей, в этой трансляции он поделился с радиослушателями Америки своими впечатлениями о первых днях войны СССР против фашистских агрессоров, рассказал, при каких обстоятельствах застало его сообщение о нападении Германии на Советский Союз, и выразил восхищение советским народом, который с уверенностью говорит о скором окончании войны.

По сведениям, полученным вчера из Америки, слышимость радиопередачи была превосходная. Выступление Колдуэлла слушали миллионы американцев. Американская радиоконпания «Колумбия» выразила по телеграфу благодарность Всесоюзному радиокомитету за образцовую организации передачи. В дальнейшем Эрскин Колдуэлл предполагает продолжить свои выступления для американских радиослушателей⁵⁶.

Репортажи Колдуэлла и Бурк-Уайт выходили шесть дней в неделю с 6:30 до 6:45 вечера по Нью-Йорку (в Москве это была

⁵⁵ *Рокотов Т.* «На дороге в Смоленск» Эрскина Колдуэлла // Интернациональная литература. 1942. № 11–12. С. 130, 131.

⁵⁶ Выступление Эрскина Колдуэлла по радио // Правда. 1941. 1.07.

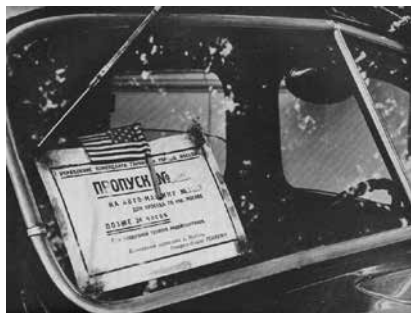
глубокая ночь) вместе с сообщениями других международных корреспондентов CBS в рамках передачи «Мир сегодня». Просоветские настроения и поддержка Америки в отказе от идей изоляционизма делали репортажи Колдуэлла удачными с точки зрения пропаганды обеих мировых держав.

Часть гонораров за публикации своих произведений в Советском Союзе Колдуэлл потратил на то, чтобы купить подержанный автомобиль и нанять себе шофера и секретаря. Позже выяснилось, что шофер был «капралом» (младшим сержантом) Красной Армии и выполнял также функции телохранителя американского писателя. Машина с водителем стала совершенно необходима Колдуэллу, когда он начал свои радиовыступления.

К текстам, транслируемым американским слушателям, предъявлялся ряд обязательных строгих требований. Подаваемая информация должна была соответствовать советской идеологии, политическим и военным задачам, способствовать созданию положительного образа СССР за рубежом, не противоречить официальным сводкам и данным Совинформбюро, а также демонстрировать всему миру, что Красная армия, вкуче с грамотным руководством Сталина, являет собой мощную и грозную силу в борьбе с фашизмом.

Хотя эфир был прямой, тесты передач должны были представляться цензорам в трех экземплярах за час до начала трансляции. Часто предложения вычеркивались или даже забраковывался весь текст целиком, после чего в сжатые сроки писатель должен был предоставить новый материал, который также проходил проверку и только после этого допускался к эфиру. Порой случался цейтнот, когда Колдуэлл едва успевал согласовать выступление к началу эфира.

Вещание было ежедневным, и к тому же работа осложнялась налетами люфтваффе на Москву, которые начались 26 июля. Через две недели после начала бомбардировок радиостанция, с которой производились эфиры, была взорвана, поэтому вещание пришлось вести из другого места, так что Колдуэллу и его водителю приходилось мчаться через весь город, чтобы успеть пройти цен-

Пропуск для передвижений по Москве в ночное время. Фото М. Бурк-Уайт. 1941

зуру и вовремя добраться до радиостудии. Дорога сопровождалась ежеминутной опасностью — Колдуэлл и его шофер в любой момент могли стать жертвами немецкой бомбы или осколков зенитных снарядов.

Писатель вспоминал, что радиоцензор был «дотошным русским», который никогда не позволял никому и ничему нарушать его распорядок дня. Сценарии должны были быть у него на столе самое позднее за тридцать минут до начала трансляции, иначе он не стал бы их читать. Еще до того как передать ему текст, Колдуэлл должен был получить штамп цензора Министерства иностранных дел, при этом офисы двух организаций находились в разных частях города.

Для того чтобы найти достаточное количество материала для ежедневных передач, Колдуэлл был вынужден проявлять смекалку и личную инициативу, что не всегда поощрялось цензорами. Они настаивали, что писатель должен ограничить свои выступления тем, что было официально одобрено, и регулярно вычеркивали из его материалов значительную часть информации.

В книге «Дорога на Смоленск» Колдуэлл описывал свою работу следующим образом:

Однажды за час до начала трансляции мой репортаж, предназначенный американским слушателям, был полностью выброшен. Имея всего пятнадцать минут, чтобы написать новый текст, и, поскольку в то время не было никаких других новостей, о которых можно было бы рассказать, я напечатал следующую историю. «Самые большие ночные бродяги в Москве — это кошки. Почти каждую ночь я вижу от трех до восьми короткошерстных, длинношерстных и обычных дворовых кошек. В Москве они проявляют такой же внимательный интерес к жизни и демонстрируют такое же презрение к людям, как и в любой другой точке мира. Они сидят на бордюрах в темноте и по нескольку минут смотрят в пространство перед собой. На людей они обращают гораздо меньше внимания, чем на проезжающие автомобили» [AORS: 100].

По словам писателя, цензоры были вне себя от радости, когда прочитали этот сценарий, и пропустили его без всякой редактуры. Они сказали, что эта история — лучшее доказательство того, что Колдуэлл не нуждается ни в каких интервью с офицерами Красной Армии и правительственными чиновниками, ради которых он посто-

янно беспокоил Министерство иностранных дел. На следующий день правительственное радио передало эту историю на весь Советский Союз, добавив, что гражданам не рекомендуется покидать свои дома в течение длительного времени, предварительно не позаботившись о благополучии своих домашних животных.

Кроме историй про котов Колдуэлл сообщал своим американским слушателям об официальных сводках с фронта, о жизни в тылу, о подвигах советских героев — летчиков, танкистов, пехотинцев; рассказывал популярные в Москве анекдоты про Гитлера и бессилие немецкой армии, объяснял различия в мировосприятии русских и американцев на примере бытовых реалий, описывал труд ополченцев и простых жителей столицы, чья мирная жизнь была нарушена войной, делился впечатлениями о русской кухне, заверял, что в Москве и в стране нет никакого продуктового дефицита и приводил примеры дружелюбного отношения советских людей к своим союзникам — американцам. В первые недели вместе с Колдуэллом в эфир несколько раз выходила его жена, но позже место у микрофона занимал исключительно сам писатель.

Для своих текстов Колдуэлл часто использовал материалы, почерпнутые из регулярных встреч (как сказали бы сейчас «брифингов»), которые С.А. Лозовский, с июля 1941-го назначенный на должность заместителя начальника Совинформбюро, проводил для иностранных корреспондентов (краткие заметки-сообщения об этих встречах постоянно печатались тогда в «Правде»). Это были идеологически выдержанные сведения и оценки, которые были заведомо одобряемы цензурой. Колдуэлл особенно любил цитировать или пересказывать своими словами язвительно-саркастические выпады Лозовского, разоблачавшие нацистскую пропаганду, а также его насмешки над «диванными экспертами», предрекавшими стремительное поражение Советского Союза.

Радиоэфир неизменно начинался фразой «Говорит Москва» (This is Moscow), и далее репортаж, как правило, строился следующим образом: в начале выступления Колдуэлл приводил самую важную информацию из сводок Совинформбюро, рассказывал о повседневном быте москвичей, говорил о героях Красной армии, отличившихся на фронте. Заканчивался репортаж, чаще всего, на положительной ноте: Колдуэлл цитировал советских граждан, выражавших уверенность в скорой победе, или рассказывал популярный анекдот про Гитлера или Муссолини. Завершалась трансляция словами: «Это был Эрскин

Колдуэлл, а теперь вы возвращаетесь к вещанию CBS из Нью-Йорка»⁵⁷ (“This is Erskine Caldwell now returning you to CBS in New York”).

Огромные усилия, которых требовала эта напряженная и опасная работа, себя оправдывали: благодаря эфирам Колдуэлла американская аудитория получала оперативную информацию, и это было важно, поскольку нередко из-за цензурной проверки статьи для прессы задерживались от нескольких дней до недели, прежде чем появиться в американских газетах и журналах. Несмотря на то что помехи связи зачастую затрудняли понимание его передач, сообщения Колдуэлла были уникальны тем, что он был единственным американцем, выходящим в прямой эфир из воюющего Советского Союза.

Тексты своих ежедневных радиовыступлений Колдуэлл использовал для книги «Москва под огнем. Дневник военного времени» (1942).

Фотосессия М. Бурк-Уайт со Сталиным

Другим ярким примером высочайшего доверия советского руководства американской паре было то, что Маргарет Бурк-Уайт была допущена в кремлевский кабинет Иосифа Сталина, где сделала его знаменитый портрет.

Колдуэлл и Бурк-Уайт с самого начала предпринимали усилия для организации интервью и фотосессии со Сталиным и другими советскими руководителями. В мае 1941-го Бурк-Уайт написала письма Сталину, Молотову, Ворошилову с просьбой разрешить ей сделать их фотопортреты. Эрскин Колдуэлл заготовил вопросы для интервью со Сталиным⁵⁸. Бурк-Уайт в письме Сталину упоминает, что несколько лет назад ей был сделан фотопортрет его матери, Екатерины Георгиевны Джугашвили, а снимок самого вождя советского народа был бы очень уместен в их будущей книге⁵⁹. Книга, которую американские гости собирались написать по итогам поездки в СССР, должна была быть посвящена мирному времени, дать (как писала Сталину Бурк-Уайт) «широкую картину страны, народа и прогресса, имевшего место в СССР». Письмо осталось без ответа, и спустя месяц началась война. Шанс сделать портрет Сталина выпал Бурк-Уайт только в середине

⁵⁷ См. копии текстов выступлений Э. Колдуэлла: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 39. Л. 51–162.

⁵⁸ Копии писем М. Бурк-Уайт и список вопросов Колдуэлла сохранились в РГАЛИ: Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 39.

⁵⁹ Там же. Л. 31.

лета, 31 июля 1941 г., во время визита в Москву Гарри Гопкинса. Именно Гопкинс оказал Бурк-Уайт содействие в организации исторической фотосессии.

В полдень 31 июля Бурк-Уайт позвонили из НКВД с информацией, что запрос на фотографию должен быть предоставлен американским послом в письменном виде. Гопкинс заблаговременно сообщил фотографу свое расписание. Бурк-Уайт пишет: «Я знала, что после обеда он должен был встретиться с г-ном Молотовым и что позже, в какое-то неизвестное время, он должен был посетить г-на Сталина для последней беседы перед отъездом из Москвы» [SRW: 207].

Во время обеда Бурк-Уайт отправилась в британское посольство, где должна была сфотографировать вместе Гопкинса и британского посла в СССР сэра Стаффорда Криппса. Фотограф вспоминает, что у нее было лишь короткое мгновение, чтобы сделать один кадр, пока мужчины сидели на диване, а затем Гопкинс схватил свою шляпу и помчался к выходу, торопясь на встречу с Молотовым. «Я последовала за ним вниз по темной лестнице и прошептала ему в ухо свою просьбу. Я не была уверена, что он вообще услышал меня» [SRW: 207], — пишет Бурк-Уайт. Ей пришлось подождать час в фойе посольства. Когда Гопкинс и американский посол Лоуренс Штейнгардт

Иосиф Сталин и Гарри Гопкинс.
Москва. 31 июля 1941 г. Фото М. Бурк-Уайт

вернулись, они предложили ей отправиться вместе с ними по магазинам в сопровождении двух машин секретной полиции. По возвращении в посольство после «шоппинга» ее ждали хорошие новости: мистер Гопкинс действительно сообщил ее просьбу Молотову, и Бурк-Уайт получила разрешение сфотографировать Сталина в его кремлевском кабинете.

В книге «Снимки русской войны» Бурк-Уайт описывает волнение, которое ее охватило в момент, когда ей сообщили, что она будет допущена к советскому вождю:

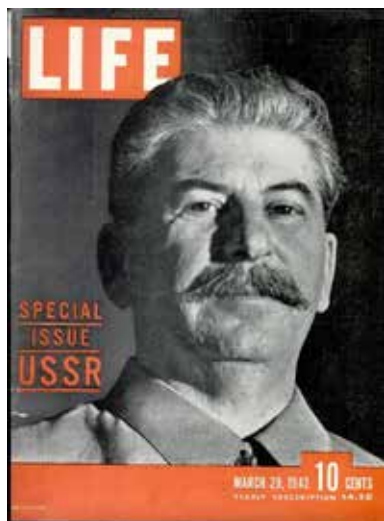
На каждую важную портретную съемку я иду с убеждением, что вся моя техника перестанет функционировать — это страх, который никогда не покидает меня даже после многих лет работы. На этот раз мной завладела навязчивая идея, что ничего не сработает, когда я окажусь лицом к лицу со Сталиным. Также я переживала за свой внешний вид. На мне был синий льняной костюм, но, зная, что русские любят красный цвет, я поехала в отель, переобулась в пару красных туфель и завязала волосы красным бантом [SRW: 208].

В своих воспоминаниях о встрече со Сталиным Бурк-Уайт отметила, что он был чуть ниже ее ростом и оказался единственным человеком в Кремле, который не носил у себя на груди медалей. «Я заметила, — писала она, — что над г-ном Сталиным была проделана гораздо более тщательная работа, чем над г-ном Гопкинсом. Его грубое, изрытое оспинами лицо было таким сильным, что казалось высеченным из камня. Я вспомнила о своем плане предложить ему сесть, начать говорить и вести себя естественно, но один взгляд на это лицо убедил меня, что не следует так разговаривать с диктатором» [SRW: 215].

Фотограф поставила перед собой задачу — сделать так, чтобы это каменное лицо выглядело более «человеческим». Прошло немало времени, пока поиск удачных ракурсов, многочисленные смены объективов и настройки вспышек привели к нужному результату. Когда Бурк-Уайт ползала на четвереньках по полу в поисках разных ракурсов, Сталин счел это забавным и рассмеялся. Бурк-Уайт вспоминает, что когда его лицо озарилось улыбкой, перемена была чудесной:

Это было так, как если бы на передний план вышла вторая личность, добродушная и сердечная. Я сделала несколько кадров, и у него, наконец, появилось то выражение, которое мне было необходимо. Когда я собралась уходить, я заметила в лице Сталина странную вещь. В тот момент, когда улыбка исчезла, на его черты будто бы опустилась вуаль. Снова он выглядел так, словно превратился в гранит, и я ушла, думая, что это было самое сильное, самое решительное лицо, которое я когда-либо видела [SRW: 217].

На страницах *Life* серия фотографий Сталина появилась уже в начале августа, а 29 марта 1943 г. один из снимков был размещен на обложке журнала. Эта фотография стала известна как едва ли

Фотопортрет Сталина, сделанный М. Бурк-Уайт, на обложке журнала *Life* от 29 марта 1943 г.

не единственный портретный снимок, где запечатлен улыбающийся Сталин.

Поездка на фронт

Несмотря на все запреты и ограничения военного времени, американские корреспонденты очень хотели попасть непосредственно на фронт, своими глазами увидеть ход боевых действий и поговорить с их участниками. В начале сентября до них стали доходить слухи о возможности такой поездки. Колдуэлл предполагал, что, вероятнее всего, американский и британский послы убеждали Сталина, что для образа сражающейся советской страны будет полезно разрешить иностранным корреспондентам побывать на фронте [AORS: 172]. Главным образом, это могло помочь ускорению поставок союзников, которые задерживались в том числе и из-за недостатка достоверных сведений о реальном положении дел на фронте.

16 сентября Колдуэлл и Бурк-Уайт получили приглашения на официальный обед в гостинице «Москва» от Наркома иностранных дел. Кроме них на этой встрече присутствовало более ста гостей, среди которых были американские, британские и советские корреспонденты, редакторы, книгоиздатели и писатели (в том числе Илья Эренбург, Михаил Шолохов, Евгений Петров и Валентин Катаев). Колдуэлл вспоминает: «Прием проводился в строгом соответствии с протоколом. Во главе стола, вокруг заместителя Наркома иностранных дел Соломона Лозовского, разместились восемь почетных гостей, в том числе мы с женой» [SRW: 220].

О цели обеда никому из приглашенных гостей не сообщалось, и Лозовский не поднимал вопроса об отправке иностранных корреспондентов на фронт. «В конце приема, — вспоминает Колдуэлл, — один из сотрудников Наркоминдела отвел нас с женой в сторону и как бы между прочим осведомился, собираемся ли мы задержаться в СССР еще на пару недель. Мы ответили, что хотим уехать в конце

сентября. Он выразил надежду, что, сколько бы мы тут ни пробыли, мы будем чувствовать себя как дома» [AORS: 174].

После того как был произнесен последний тост и вся компания направилась за кофе и абрикосовым бренди, между Бурк-Уайт и Лозовским состоялся следующий разговор:

— Я не могу вернуться в Америку, не сфотографировав фронт, — сказала Бурк-Уайт. — Что я скажу, когда мои соотечественники узнают, что я не видела своими глазами примеров героизма великой Красной Армии? Они воскликнут: «Почему вам не позволили стать свидетелями тех благородных деяний, о которых мы так много слышали? Может быть, их на самом деле не существует?!»

— На фронте очень опасно, — отвечал ей Лозовский.

— Есть только одна вещь, которой я боюсь, — это вернуться домой, не закончив свою работу. Я приехала сюда, чтобы фотографировать вашу страну. Если бы я хотела быть в безопасности, я бы осталась дома. Если солдаты Красной Армии могут противостоять опасности, почему я не могу?

— Война — это их работа, — сказал г-н Лозовский.

— А фотосъемка — это моя работа [SRW: 221].

Уже через два дня после приема в гостинице «Москва» Колдуэлла и Бурк-Уайт вызвали в Наркоминдел и сообщили, что наутро они должны быть готовы отправиться в опасное путешествие. 19 сентября они выехали из Москвы на фронт по Смоленской дороге.

О том, как Колдуэлл добивался поездки на фронт, вспоминает и писатель С.А. Дангулов:

Колдуэлл явился на Кузнецкий⁶⁰ с просьбой разрешить ему поездку на фронт — шла первая неделя войны. Вместе с ним должна была выехать Маргарет Бурк-Уайт, в соавторстве с которой он сделал несколько книг — текст этих книг, по-колдуэлловски точный и зри-

⁶⁰ Народный комиссариат иностранных дел находился по адресу Кузнецкий мост, д. 21/5. Савва Артемьевич Дангулов (1912–1989), писатель и дипломат, накануне войны стал сотрудником отдела печати НКВД, с началом войны стал военным корреспондентом «Красной звезды», с 1943 г. работал на дипломатической службе. Посвятил советской дипломатии периода Второй мировой войны трилогию «Кузнецкий мост» (1972–1979).

мый, своеобразно был соотнесен с художественными фотографиями Бурк-Уайт.

Колдуэлл был молод — тридцать! Он был росл, хорошо сложен, крепок в ходьбе, — в его лице, пожалуй, самым характерным был подбородок, насеченный небольшой ложбинкой, сообщающей его лицу если не суровость, то строгость. Помню, что Колдуэлл просил направить его и его спутницу к воротам Смоленска. [...]

Насколько не изменяет мне память, решение вопроса о поездке Колдуэлла в район боев потребовало некоторого времени, и писатель явился на Кузнецкий вторично, на сей раз в сопровождении своей спутницы. [...] она не теряла времени даром и все эти дни усиленно снимала Москву, которая жила уже жизнью столицы сражающегося народа. [...] А между тем разрешение на поездку было получено, и американцы выехали к Смоленску⁶¹.

Небольшая делегация состояла из шести американских и пяти английских корреспондентов, прошедших тщательный отбор. Среди них, помимо Бурк-Уайт и Колдуэлла, также были Сайрус Сульцбергер (*The New York Times*), Алекс Верт (Reuter's), Филип Джордан (*London News Chronicle*), Арч Стил (*Chicago Daily News*), Вернон Бартлетт (BBC), Генри Кэссиди (Associated Press), Уоллес Кэрролл (United Press) и Альфред Чарльтон (*Daily Telegraph*). К группе также был присоединен один из цензоров Наркоминдела, сопровождавший ее на всем пути; по возвращении в Москву репортажи также должны были подвергнуться проверке.

Участники экспедиции были распределены по пяти автомобилям, в каждом из которых находились вооруженный водитель и военный офицер-гид. В багажнике и между ног пассажиров задних сидений были разложены свертки с едой, которой корреспондентам предстояло угощаться на так называемых «полевых банкетах». Вечером первого дня пути делегация добралась до Вязьмы и остановилась в единственной в городе гостинице. Утром на Вязьму был совершен налет немецких «юнкеров». Колдуэлл вспоминал:

⁶¹ Дангулов С.А. Колдуэлл // Дангулов С.А. Художники: литературные портреты. М.: Сов. писатель, 1987. С. 237–238. В этом очерке С.А. Дангулов, после войны ставший заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература» (с 1955 г.), а затем (с 1969 г.) — главным редактором журнала «Советская литература», выходявшего на иностранных языках для зарубежных читателей, вспоминает и о послевоенных встречах с Э. Колдуэллом в Москве.

Одна бомба разорвалась прямо во дворе за окном, другая — на улице перед гостиницей, третья дальше. Взрывной волной выбило уцелевшие до тех пор стекла, нас засыпало осколками. Взрывы заставили всех собраться в холле, большинство корреспондентов лежали на полу среди рассыпавшихся осколков стекла. Бомбы рвались так часто, что я потерял счет. Но вот минут через пять послышался гул советских истребителей, и бомбежка прекратилась [AORS: 177–178].

Зрелище разрушений и жертв среди мирного населения было запечатлено Бурк-Уайт на фото пленку.

Вязьма. Допрос немецких военнопленных.
Сентябрь 1941 г. Фото М. Бурк-Уайт

Ужин иностранных журналистов во время поездки
к линии фронта. Район Ельни. Сентябрь 1941 г.

Группа корреспондентов продолжила свое путешествие вглубь Смоленского фронта. Путь был сложным: дороги были размыты дождем, колонну машин надо было маскировать ветками деревьев, оставался риск нового немецкого налета, из-за чего всем членам делегации иногда приходилось покинуть свои машины и прятаться в придорожных кустах.

«Смоленск, захваченный немцами, виднелся за холмом впереди, но дальнейшая дорога находилась под наблюдением немецких аванпостов и периодически обстреливалась. Мы свернули с шоссе и проехали несколько миль параллельно фронту» [AORS: 179], — пишет Колдуэлл. К вечеру корреспонденты подъехали вплотную к линии фронта:

Разрушенная церковь после бомбежки.
Поездка к линии фронта. Сентябрь 1941 г.

месте стояли койки, которыми была заставлена вся длинная классная комната» [SRW: 232].

ночь им предстояло провести в одном из школьных помещений в шести милях от немецких позиций. Бурк-Уайт вспоминает обстановку, в которой проходил их ночлег:

Скамейки, на которых дети годами сидели на уроках арифметики со счетами, писали сочинения о жизни Ленина и философии Карла Маркса, были сложены у стены. На их

НКВД был настолько заинтересован в комфорте английских и американских журналистов, что позаботился также и о том, чтобы нанять для них парикмахера, чтобы утром корреспонденты могли побриться и освежиться.

«Дни чередовались между поездками по вечной грязи и ночлегами под звуки вражеских орудий. Ночи проходили в нескончаемой череде полевых штабов, иногда под брезентовыми, а иногда и под соломенными крышами» [SRW: 232], — пишет Бурк-Уайт. Несколько дней спустя некоторые корреспонденты устали терпеть трудности опасного и тяжелого путешествия и стали требовать возвращения в Москву. Мнения разошлись, но при этом решение разделить группу пополам и позволить всем желающим вернуться обратно, а остальным — продолжить поездку, было категорически отвергнуто. Поездка продолжилась.

Колдуэлл пробыл на фронте почти неделю, и за это время успел поговорить с солдатами и офицерами Красной армии, а также понаблюдать за действиями разных видов войск. В полевых лагерях он беседовал с летчиками, недавно принимавшими участие в ожесточенных боях, присутствовал на допросах пленных немцев, а также присутствовал на нескончаемых банкетах с командирами советских подразделений. «К концу недели, — вспоминает он, — я увидел практически все фазы современной войны в том виде, как она развивалась

в районе Смоленска, и во мне возникло высочайшее уважение к боевым способностям Красной армии» [AORS: 185].

В конце сентября, после возвращения из поездки на линию фронта и по мере продвижения немецких войск вглубь страны, тон заметок Колдуэлла становится более серьезным: реже встречаются анекдоты про Гитлера, шутки и ирония, все больше становится идеологически выдержанных и духоподъемных оценок и высказываний.

Отъезд из СССР

К середине сентября Колдуэлл понял, что не сможет дольше выдерживать напряженный график написания статей для *PM* и *Life* и подготовки к радиоэфирам CBS. Он уведомил каждую из компаний о том, что решил покинуть Москву в октябре и вернуться в Соединенные Штаты. Маргарет Бурк-Уайт к тому времени выполнила свое последнее задание для журнала *Life* и тоже была готова уехать из Советского Союза. Колдуэлл отмечал, что покидал Москву неохотно: он привык к своему автомобилю, вооруженному пистолетом водителю и секретарше. «Почти так же трудно, — писал он, — было отказаться от роскошного углового номера в отеле “Националь”; я нежно привязался к крылатым херувимам, нарисованным сусальным золотом на потолках. Перед отъездом я послал за последним заказом икры и шампанского»⁶².

Вопрос об отъезде остро встал сразу после возвращения с фронта — 25 или 26 сентября. У Колдуэлла и его жены были запланированы лекционные туры по Америке: они должны были начаться менее чем через месяц, поэтому необходимо было добраться домой как можно быстрее. Бурк-Уайт вспоминает:

Мы не знали, что до Перл-Харбора оставалось меньше двух месяцев, но мы действительно хотели вернуться домой. Я нахожу, что даже самые возбуждающие путешествия по чужим странам обостряют желание вернуться на родину, принадлежность к которой вы чувствуете инстинктивно, и этот инстинкт гораздо глубже, чем разум [SRW: 271].

Но, разумеется, главным фактором, ускорившим отъезд американской пары, была все более тревожная ситуация на фронте. В Москве шла эвакуация предприятий и учреждений, 30 сентября

⁶² Caldwell, Erskine. *Call It Experience*: 206.

1941 г. Германия приступила к исполнению операции «Тайфун», бои приближались к столице.

Перед Колдуэллом и Бурк-Уайт стоял непростой выбор: вернуться домой через Австралию или через Северный Ледовитый океан. Осложнялась ситуация тем, что в условиях войны было невозможно получить точную информацию о путешествии через ту или иную страну. Кроме того, даже если бы маршрут был проложен, всегда существовала вероятность, что места американских корреспондентов будут отданы военным. Перелет через Австралию предполагал выбор между транзитом через Иран или Турцию и перелетом компанией “British-Oceanic Airways” через Индию в Новую Зеландию, а затем возвращением по воздуху через Тихий океан. Путешествие через Арктику могло быть осуществлено только на корабле, и это был самый неопределенный вариант из всех возможных, поскольку передвижение конвоев было строжайшей тайной.

Организацию отъезда Колдуэлла и Бурк-Уайт взял на себя посол Англии в СССР сэр Стаффорд Криппс. Он договорился с британским Адмиралтейством о том, чтобы они были включены в состав первого конвоя, отправляющегося из Архангельска. Также он смог получить разрешение от Адмиралтейства на то, чтобы Бурк-Уайт фотографировала в пути.

Еще одним бюрократическим препятствием стало отсутствие специального разрешения на поездку от Государственного департамента США. В Америке существовал закон, запрещавший ее гражданам путешествовать на судах стран, находящихся в состоянии войны. Пока Колдуэлл и Бурк-Уайт ожидали разрешения Госдепа, они чуть не пропустили свой конвой — к счастью для них, в небе над Белым морем были замечены немецкие самолеты-разведчики, поэтому отправление конвоя было отложено. После известия об этом американский посол Штейнгардт вызвал Колдуэлла и Бурк-Уайт в Спасо-Хаус⁶³, чтобы сообщить о получении долгожданного разрешения на поездку в составе конвоя.

Колдуэллу и Бурк-Уайт было приказано никому не говорить о том, каким путем они собираются покинуть СССР. Чтобы никто не волновался по поводу их отсутствия, они телеграфировали в Нью-Йорк: «Мы исчезнем примерно на три недели, не волнуйтесь»

⁶³ Спасо-Хаус (он же — Особняк Второва) — историческое здание в Москве по адресу Спасопесковский пер., д.10. С 1933 г. — резиденция посла Соединенных Штатов Америки в СССР.

[SRW: 273]. Бурк-Уайт раздала часть своего гардероба переводчице Елизавете, секретарше мужа и женам шоферов, оставив для путешествия через Заполярье лишь теплые вещи, русские сувениры и чемоданы с фототехникой.

Накануне отъезда для американской пары был организован прощальный банкет в ВОКСе (Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей). На мероприятие были приглашены все друзья Колдуэлла и его жены: режиссеры Сергей Эйзенштейн и Григорий Александров, актриса Любовь Орлова, Елизавета, Евгений Петров и другие члены Союза советских писателей, мэр Москвы, директор Художественного театра, множество оперных певцов. Колдуэллу был преподнесен уникальный подарок: коллекция трофейных немецких знаков отличия, в том числе железные кресты первого и второго класса, медали за меткую стрельбу, трофейные знаки отличия люфтваффе и др.

Ранним утром следующего дня состоялся отъезд Колдуэлла и Бурк-Уайт из Москвы. С дороги Колдуэлл и Бурк-Уайт написали теплые прощальные записки Т. Рокотову и М. Аплетину на почтовых открытках и сумели отправить их адресатам⁶⁴.

В поезде до Архангельска не было «мягких вагонов», поэтому им предстояло ехать, по выражению Маргарет, «жестким классом», то есть на деревянных полках. В их вагоне такие полки располагались в три яруса, и верхние из них были заполнены солдатами. Бурк-Уайт вспоминала: «В течение трех дней, которые нам потребовались, чтобы добраться до Архангельска, тяжелые ботинки солдат, которые занимали переполненные полки наверху, нависали над моими цветами (подаренными ей на прощание М. Аплетиным. – *О.П., А.Ф.*). Однако солдаты, казалось, наслаждались ими так же, как и я» [SRW: 275].

В дневниковой записи от 1 октября Колдуэлл описывал условия их поездки:

Русский жесткий вагон, который должен был стать нашим домом на 3–4 дня, был чем-то похож на американский грузовой вагон с окнами и полками. Скамейки разделены перегородками, но концы открыты, и почувствовать себя в уединении вы можете только под покровом

⁶⁴ Оригиналы этих записок на почтовых открытках, датированные 27 сентября, и их русские переводы сохранились в РГАЛИ: Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 853. Л. 71–72; Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 39. Л. 22–22б. Судя по датировке прощальных записок, Колдуэлл и Бурк-Уайт покинули Москву 26–27 сентября.

ночи, когда гаснет свет. Холодный ветер насквозь продувал тонкие деревянные вагоны. По какой-то причине, быть может, из-за условий военного времени, вагоны не отапливались⁶⁵.

На одной из станций Бурк-Уайт столкнулась с недопониманием при покупке горячей каши: она отстояла длинную очередь к одной из буфетчиц, и, как выяснилось, зря — там принимались только продовольственные карточки. В другом месте, полная решимости купить еды, своими громкими криками на английском языке Бурк-Уайт посеяла панику у горожан, никогда до этого не слышавших иностранной речи. Люди вызвали милицию, чтобы сдать «немецкого диверсанта». К счастью, среди пассажиров поезда оказался говоривший по-английски офицер Красного флота, который помог уладить ситуацию.

Спустя три дня, пережив все испытания, Колдуэлл и Бурк-Уайт прибыли в Архангельск. Одежда их не подходила для сурового арктического климата, поэтому им пришлось купить теплые шапки-ушанки из оленьего меха — именно в них Колдуэлл и Бурк-Уайт позируют на известной фотографии возле надписи “Mind Your Head” («Берегите голову»). В сопровождении офицера Красной армии и таможенного рабочего от железнодорожной станции они добрались до пирса, где их уже ждал катер, и направились вниз по течению Северной Двины.

Наутро они обнаружили, что находятся в составе конвоя из двадцати двух судов: пятнадцати британских, одного голландского и шести русских. Когда конвой достиг Белого моря, выяснилось, что немецкие самолеты все еще представляют для него опасность. Бурк-Уайт пишет:

Колдуэлл и Бурк-Уайт перед отъездом из СССР.
Архангельск. Начало октября 1941 г.

Большую часть времени мы не могли их видеть из-за тумана, но их было слышно. Время от времени мы на мгновение замечали темные

⁶⁵ Caldwell, Erskine. *Moscow Under Fire*: 107–108.

точки, пробивающиеся сквозь облака, а затем туман снова закрывал их. Иногда они что-то сбрасывали — никто не мог сказать точно, были ли это бомбы или мины. В таком случае мы должны были бы отстреливаться от них. Но туман так плотно окружал нас, что они не могли найти нас, а мы не могли увидеть их [SRW: 278].

На пятый день плавания конвой вошел в воды Баренцева моря и продолжал двигаться на север. Чтобы обойти места, в которых могли находиться вражеские подводные лодки, они зашли так далеко на север, что пересекли Полярный круг и оказались менее чем в девяти градусах от Северного полюса. Бурк-Уайт в книге «Снимки русской войны» пишет о том, что у них с мужем была традиция, надев шапки ушанки и накинув на плечи теплые одеяла, каждый вечер выходить на палубу и наблюдать белые полярные ночи.

За пятнадцать дней они проехали семь морей — Балтийское, Баренцево, Северный Ледовитый океан, Норвежское и Северное моря, пересекли полосу Атлантики, затем Ирландское море и, наконец, добрались до Шотландии. В гавани Скапа-Флоу на борт к путешественникам поднялся чиновник Адмиралтейства, чтобы забрать для цензуры фотопленки Маргарет; только половина из них вернулась к фотографу для возможной публикации.

Колдуэлл всегда мечтал побывать в Шотландии, так как у его матери были шотландско-ирландские предки, принимавшие участие в Американской революции [Mixon 1996: 5–6]. В Глазго американцы отправились на поиски сувенира — «шотландки», но, как оказалось, несмотря на то что Колдуэлл — старинная шотландская фамилия, у этого рода никогда не было своего тартана. Отправившись за покупками, они, как в самом начале своего путешествия, в Китае, столкнулись с непониманием в вопросах национальной валюты. У Колдуэлла и Бурк-Уайт отсутствовали необходимые для покупки килта купоны, и им пришлось отказаться от сувенира. Неделью спустя, в Лондоне, во время обеда с чиновником из Министерства информации, был упомянут этот эпизод в Глазго. На следующий день американцам в отель была доставлены бесплатные купоны, и они смогли заказать желанный килт.

В Англии только что прибывшие из воюющего Советского Союза американские корреспонденты пользовались большим вниманием — все новостные издания требовали от Колдуэлла и Бурк-Уайт информации из первых рук. Роскошь лондонского отеля «Савой»

и ресторана «Ритц» после полумесячного северного путешествия показалась им непривычной, а поход в кино стал невероятно ярким событием. Редакторы BBC пригласили американскую пару принять участие в программе, посвященной оккупированной Европе, чтобы попытаться сообщить в страны, захваченные немецкими войсками, о реальном положении дел в России. Колдуэлл пишет: «Лондон пострадал от бомбежек сильнее, чем Москва, и трудности были более очевидны, но энергичным британцам было интереснее читать о том, что происходит в России, чем говорить о своем собственном бедственном положении»⁶⁶.

После пребывания в Лондоне Колдуэлл и Бурк-Уайт отправились в Бристоль, который подвергся бомбардировке, как только они приехали в город. На следующее утро им предстоял перелет в Лиссабон, затем на Азорские острова, после чего через Атлантику на Бермуды и в США. В Нью-Йорк они приехали в начале ноября 1941 г., почти через месяц после отъезда из Москвы. Через день после завершения своего кругосветного путешествия Колдуэлл и Бурк-Уайт уже выступали с лекциями перед американскими студентами, рассказывая о том, что им довелось увидеть в Советском Союзе.

Впечатления Эрскина Колдуэлла и Маргарет Бурк-Уайт от СССР в первые месяцы войны нашли отражение в книгах Колдуэлла «Дорога на Смоленск» (*All-Out On the Road to Smolensk*, 1942), «Москва под огнем» (*Moscow Under Fire. A Wartime Diary*, 1942), «Россия в войне» (*Russia at War*, 1942), в фотоальбомах, заметках и письмах. Свою отдельную книгу воспоминаний «Снимки русской войны» об увиденном в Советском Союзе Маргарет-Бурк-Уайт выпустила тоже в 1942 г. В романе «Всю ночь напролет» (*All Night Long*, 1942) Колдуэлл, основываясь на историях, рассказанных ему фронтовиками, в художественной форме изобразил борьбу советских партизан на территориях, оказавшихся под немецкой оккупацией.

В рецензии на книгу «Дорога на Смоленск» Т. Рокотов, наряду с высочайшей оценкой заслуг Колдуэлла, отмечает некоторые несочетанности, которые присутствуют в его репортажах об СССР (он-де пишет, что «мужчины носят только кепки» — «символ пролетарской природы советского государства», отрицает «большевистскую самокритику» и т. д.) и объясняет их тем, что автор порой «был введен в заблуждение» из-за «полного незнания русского языка и незнаком-

⁶⁶ Caldwell, Erskine. *Call It Experience*: 208.

ства с нашими обычаями»⁶⁷. Рядовой советский читатель мог найти у Колдуэлла еще больше «фантастического» в изображении советской действительности. Но не стоит думать, что Колдуэлл, сообщая о том, что деликатесная черная икра — повседневная еда русских, описывающий лукулловы пиры на официальных обедах и в ресторане «Националя», уверяющий, что все русские — храбрые и стойкие люди, не испытывающие ни малейшего страха перед грозным противником, рапортуящий о разгроме немецких танковых бригад и эскадрилий люфтваффе летом 1941-го, был наивным иностранцем, принимавшим за реальность «потемкинские деревни» культпоказов, а тщательно отцензурированные сводки Совинформбюро — за истину в последней инстанции. Американские гости отдавали себе отчет (если не полностью, то по большей части) в реальном положении дел, и это касалось как советского быта (очереди за продуктами, «ненавязчивый» советский сервис⁶⁸ и т. п.), так и хода войны: они видели страшный ущерб, наносимый городу бомбардировками, знали, что гитлеровские войска быстро продвигаются к советской столице. Однако в своих документальных книгах и романе, в радиоэфирах и публикациях в прессе Колдуэлл выступает как целеустремленный писатель-пропагандист, подчинивший свой талант и свое мастерство высшей миссии — разгрому Гитлера, четко осознающий свои задачи — укреплять военно-политический союз США и СССР, представлять Советский Союз как надежного и боеспособного союзника, сильную, процветающую страну, а ее народ — как мужественный, смелый и способный одержать победу над нацистской военной машиной.

В послевоенный период Колдуэлл сохранил статус «друга Советского Союза»: он поддерживал переписку с редакторами, издателями и читателями, еще дважды приезжал в СССР (1959, 1963), его много переводили, постоянно выходили его публикации в периодике, выпускались его книги. Но, конечно, его пребывание в СССР с мая по сентябрь 1941 г., овеянное героикой великой войны, и та роль, которую он сыграл в истории нашей страны, разделив с ней бремя самого тяжелого испытания, обеспечили Колдуэллу совершенно особое, уникальное место в истории советско-американских литературных контактов.

⁶⁷ Рокотов Т. «На дороге в Смоленск» Эрсина Колдуэлла. С. 129.

⁶⁸ См., например, письмо Т. Рокотова С. Лозовскому от 14.05.1941 с изложением жалоб Колдуэлла на плохое обслуживание в гостинице: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 5. Ед. хр. 63. Л. 7.

ЛИТЕРАТУРА

Аккерман 2015 — Аккерман А. Фотографии Маргарет Бурк-Уайт в советской культуре // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 829–854.

ДВП 2000 — Документы внешней политики. М.: Международные отношения, 2000. Т. 24.

Волков 2006 — Волков С. Сталин и его премии: что и почему ценил вождь // Знамя. 2006. № 3. С. 127–150.

ИД 1975 — История дипломатии: в 5 т. / под ред. А.А. Громыко. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1975.

Комарков 2012 — Комарков А.Ю. Проблемы становления союзнических отношений СССР с Англией и США (22 июня – октябрь 1941 г.) // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 145–152.

Панова 2017 — Панова О.Ю. О несостоявшемся визите Ричарда Райта в СССР // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 176–228.

Печатнов 2006 — Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006.

САО 2004 — Советско-американские отношения. 1939–1945 / отв. сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. М.: МФД, 2004.

САО 1984 — Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы: в 2 т. М.: Политиздат, 1984.

REFERENCES

Ackermann 2015 — Ackermann, Ada. “Fotografii Margaret Bourke-White v sovetskoi kul'ture” [“Margaret Bourke-White’s Photos in the Soviet Culture”]. *Postizhenie Zapada. Inostrannaia kul'tura v sovetskoi literature, iskusstve i teorii. 1917–1941 gg. Issledovaniia i arzhivnye materialy* [Understanding the West: Foreign Culture in Russian Literature, Art, and Theory, 1917–1941. Research and Archival Documents]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2015: 829–854. (In Russ.)

Caldwell 2014 — Caldwell, Jay E. *Erskine Caldwell, Margaret Bourke-White, and the Popular Front (Moscow 1941)*. PhD diss., University of Arizona, 2014.

Caldwell 1999 — Caldwell Sorel, Nancy. *The Women Who Wrote the War*. New York: Arcade Publishing, 1999.

DVP 2000 — *Documenty vneshnei politiki* [Documents of foreign policy], vol. 24. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2000. (In Russ.)

Dunn 1998 — Dunn, Dennis J. *Caught between Roosevelt and Stalin. America’s Ambassadors to Moscow*. Lexington, KY: The University Press of Kentucky, 1998.

ID 1975 — Gromyko, Andrei A, ed. *Istoriia diplomatii: v 5 t.* [*History of diplomacy: In 5 vols.*], vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1975. (In Russ.)

Komarkov 2012 — Komarkov, Aleksandr Iu. “Problemy stanovleniia soiznicheskikh otnoshenii SSSR s Angliei i SShA (22 iunia – oktiabr' 1941 g.)” [“Problems of the Formation of Allied Relations of the USSR with Britain and the USA (June 22 – October 1941)”]. *Noveishaia istoriia Rossii*, no. 1 (2012): 145–152. (In Russ.)

Mixon 1996 — Mixon, Wayne. *The People's Writer: Erskine Caldwell and the South*. Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 1996.

Panova 2017 — Panova, Olga Iu. “O nesostoiavshemsia vizite Richarda Raita v SSSR” [“Richard Wright’s Might-Have-Been Travel to the USSR”]. *Literatura dvukh Amerik* [*Literature of the Americas*], no. 3 (2017): 176–228. (In Russ.)

Pechatnov 2006 — Pechatnov, Vladimir O. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.: dokumental'nye ocherki* [*Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940s: Documentary Essays*]. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2006. (In Russ.)

SAO 1984 — *Sovetsko-amerikanskii otnosheniia vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945. Dokumenty i materialy: v 2 t.* [*Soviet-American Relations during the Great Patriotic War, 1941-1945. Documents and Materials: In 2 vols.*]. Moscow: Politizdat Publ., 1984. (In Russ.)

SAO 2004 — *Sovetsko-amerikanskii otnosheniia. 1939–1945* [*Soviet-American Relations. 1939–1945*]. Compiled by B.I. Zhiliaev, V.I. Savchenko. Moscow: MFD Publ., 2004. (In Russ.)

Volkov 2006 — Volkov, Solomon. “Stalin i ego premii: chto i pochemu tsenil vozhd” [“Stalin and his Prizes: What and Why the Leader Valued”]. *Znamia*, no. 3 (2006): 127–150. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ERSKINE CALDWELL FOR: LIFE MAGAZINE

Few short years ago Laurence A. Steinhardt stood in presence of first client of 4500 dollars in 9000 dollars suit brought against successful New York newspaper and magazine publisher. Had confidently expected client share his happiness by bursting into tears of gratitude.

Instead his client Lily Langtry hit ceiling.

— Look at what you’ve done to me, she screamed, — you’ve settled my suit and prevented me from making an appearance in court. I should have had better sense than to turn my suit over to a greenhorn.

Goaded by blessing he went back and successfully argued publishers business manager into increasing settlement to 7500 dollars.

Now at age 48 former attorney of Lily Langtry still doesn't always understand ways of showbusiness and its people. Dorothy Lamour was affronted recently when he danced with her in Hollywood and confessed candidly that he didn't know who she was, but Greta Garbo showers him with cablegrams of gratitude for small favors he does for her.

Ambassador extraordinary and plenipotentiary of the United States of America to the Union of Soviet Socialist Republics, Laurence A. Steinhardt, is same hardworking man he was 23 years ago when he began career in law. If anything he works harder now. Daily schedule at present keeps him at duties from 15 to 18 hours out of 24 and it's rare night when he is able secure more than four five hours sleep. Moscow post nowadays is job of work.

I met ambassador by appointment in late afternoon on last day of fourth week of war in hotel suite overlooking Red Square and Kremlin. Outside door of suite stood quietly two members of secret police NKVD or as known abroad GPU while third took to his post at hotel street entrance. They were members of staff of nine bodyguards detailed by Soviet government three of whom follow ambassador wherever he goes day or night be it theatre, swimming washroom, or restaurant.

Ambassador was tired man when he entered room and fell exhaustedly into chair. He was wearing one of his favorite suits medium gray, closely woven sack coat and matching trousers. As usual he was wearing white oxford cloth shirt and blue knit tie. He always wears collar pin.

Naturally we began talking about war.

— Has Germany met its match at last? — I've asked.

Ambassador gazed across room and through window into late afternoon twilight of Moscow. He was in no hurry to answer. His training as member of New York bar and long association with members of his former firm Guggenheim, Untermeyer and Marshall from which he resigned when he entered public life was readily apparent. Presently he lit another cigarette, his third within half hour.

— It is expecting a great deal of the Soviet army to be able to hold the Leningrad-Moscow-Kiev line against the entire weight of German forces indefinitely, — he said choosing his words far more carefully than ever had as fifteen dollar week law clerk two and half decades ago in New York. — But it is my opinion that a line considerably west of the Ural mountains can be held. The season of the year of course will be of the utmost importance as a determining factor in future operations. After October it

will be extremely difficult for the Germans to hold a position which would involve, less American and British requirements, — he answered.

Ambassador made it clear that type assistance he had in mind was war material. This would include airplanes, tanks, motorized equipment and anti-aircraft guns.

In referring to British-Soviet pact Ambassador said that it [w]as met with hearty approval in the USSR both in the government and among the people.

We smoked some more of his cigarettes — a rare privilege these days. Few supplies of any nature have reached the Embassy in recent months. Last shipment eagerly looked forward to was in Finland on threshold of USSR border when war came.

— We are prepared to stick it out until the war is over, — Ambassador said, — supplies or no supplies. I've had to cut my official and clerical staff from sixty to thirty. All of us are going to see the war through to the finish.

There was one more question I wished to ask. It was getting late and Ambassador had said he wanted to phone Spaso house, now official embassy since offices had been moved from Embassy building on Manezhnaia Square, and tell everybody who could get away from work to go to his dacha twenty miles north of Moscow for the night. He would not be able to go himself because he had all night work to do but he wanted as many members of staff as possible to go to country for night's rest. For several weeks before outbreak of war preparations were made to turn dacha into emergency residence and Embassy. Sleeping tents and mess tent were erected under trees. Within high green wall surrounding grounds what had been a watchman's hut in czarist times was converted into radio station for hourly contact with State Department in Washington.

— Do you think the Soviet Union needs American assistance in order to win the war? — I asked.

Vice commissar for foreign affairs; and Solomon A Lozovsky, ditto. He indicated that his personal relations with Soviet officials were friendly and extremely cordial. He says of himself that he leads double life: one as Ambassador for American affairs during day, two as Ambassador to USSR during night when he's frequently called to Kremlin for conference at two a.m. Although he speaks of long hours jokingly it's true that he's not been able to take day off or weekend off since coming Moscow.

We came back to war. Ambassador had just spoken of his wife the former Dulcie Yates — Hoffman of Mamaroneckny. She is beautiful woman of great charm and has extraordinary gift for languages. I have seen

her at dinner at Spaso House, the Ambassador's city residence, conversing with diplomats of half a dozen countries in their own language and then turn to Soviet official at her side and continue conversation in Russian. Ambassador said Mrs Steinhardt and their fifteen year old daughter Dulcie Ann both of whom are now in Sweden had caught last plane to Stockholm. There followed period of thoughtful silence after his mention of them.

Last rays of sun enveloped towers of Kremlin across plaza.

I asked Ambassador several questions.

Ambassador made it clear that in his opinion Soviet Union is capable of indefinite effective resistance provided an adequate quantity of war material is made available either from its own resources or from the United States or British Empire.

— Do you think United States can be of any help to Soviet Union at this time? — I've asked.

— American assistance to Soviet Union can be invaluable, — he replied.

— And the extent of assistance? — I've asked.

— The extent can be measured only by the productivity of our defense program excessive lines of communications particularly for the transport and food problems with which they would be confronted.

He ground cigarette in ashtray. His gaze fell upon enameled bust Napoleon on rococo vase across room. There was period of silence before he spoke again.

— It is more probable than improbable that history will repeat itself, — he said at last. — History has made an international reputation for itself by doing just that many times in the past.

Two years ago in July Ambassador Steinhardt arrived Moscow to take over his new post. Previous to that time he had been Ambassador to Peru for one year and before that minister to Sweden for four years. He was one of first political appointees of President Roosevelt following the President's inauguration March 1933. Prior the election Steinhardt had been member of pro-campaign committee that sought Roosevelt's nomination Chicago.

Travelstained American travelers arriving in USSR previously unacquainted with Ambassador have said that when they first saw him they thought he was mirage. Steinhardt's typically American manner has at first meeting seemed almost too good to be true. He is friendly to a fault and thinks nothing of forcing his last American cigarette upon you when he's twenty miles from another pack. At other times he's efficiently

professional and with few deft motions can secure hotel room or sleeping car ticket when all Moscow says nothing of nature exist. At all times he represents with dignity and graciousness the President of the United States of America.

Ambassador is held in high esteem by members of Soviet government and his conferences with them particularly with Viacheslav M. Molotov, people's commissar for foreign affairs; Andrie Y Vyshinsky.

Ambassador stood up.

— The Soviet Union has unlimited manpower, — he said, — the country has millions upon millions of ablebodied men. Indefinite continuance of a strong Eastern front to the end of the war may in large part be determined by American material assistance.

He reached for telephone to call his staff and urge as many as possible to go to the country for rest. As his hand touched telephone an air raid alarm sounded shrilly.

Ambassador turned around.

— They'll have to wait until this is over — I wish I'd called them sooner, — he said.

We hurried from the hotel across the plaza and dived down into the subway. The Ambassador's three NKVD body guards helped us wedge our way through crowd.

— The boys always look out for me, — he said. — even during an air raid alarm although after my experiences in the New York subway I could probably help look out for them».

The alarm off sounded. Ambassador with his three NKVD boys at his heels dashed for a phone booth to call his staff and tell them to go to the country for a night's rest.

Erskine Caldwell

The foregoing is approved. Laurence A. Steinhardt
US Ambassador

ПЕРЕВОД:

ЭРСКИН КОЛДУЭЛЛ
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛ «ЛАЙФ»

Несколько лет тому назад Лоуренс А. Штейндардт в присутствии своей первой клиентки сообщил новость о том, что ему удалось

без суда добиться разрешения спора об уплате 4,5 тыс. долларов из 9 тыс. долларов по делу, возбужденному против популярного нью-йоркского издателя газет и журналов. Он был уверен, что его клиентка разделит его радость и зальется слезами благодарности. Вместо этого его клиентка Лили Ленгтри¹ воскликнула: «Подумайте только, что вы сделали со мной. Вы уладили мою тяжбу и помешали мне появиться в суде. Я поступила бы лучше, если бы поручила мое дело не такому новичку».

Он вернулся и с успехом убедил управляющего издательством увеличить сумму до 7,5 тыс. долларов. И теперь, в возрасте 48 лет, бывший поверенный Лили Ленгтри не всегда имеет ясное представление о том, как вести дела, чтобы показать их и людей.

Дороти Ламур² была оскорблена недавно, когда он танцевал с ней в Голливуде и откровенно признался, что он не знает, кто она такая. Однако Грета Гарбо засыпает его телеграммами с выражением благодарности за те небольшие милости, которые он делает для нее.

Чрезвычайный и полномочный посол Соединенных Штатов Америки в Союзе Советских Социалистических Республик Лоуренс А. Штейнгардт является тем же самым трудолюбивым человеком, каким он был 23 года тому назад, когда начинал свою юридическую карьеру. Сейчас он работает даже больше. Своим обязанностям он уделяет ежедневно от 15 до 18 часов из 24, и очень редко ему удается поспать больше 4–5 часов. Его московский пост требует в эти дни работы и работы.

По приглашению посла я встретился с ним в полдень последнего дня четвертой недели войны в комнате отеля, выходящего на соседнюю с Красной площадью и Кремлем площадь³. За наружной дверью комнаты стояли спокойно два члена секретной полиции — НКВД, или — как это больше известно за границей — ГПУ. В то же время третий занял свой пост у выхода из отеля на улицу. Они являлись представителями группы из девяти телохранителей, назначенных Советским правительством. Трое из них следуют за послом повсюду и всегда, днем и ночью, будь то в театр, в бассейн для купанья или ресторан.

Посол выглядел уставшим. Он вошел в комнату и в изнеможении опустился в кресло. На нем был один из его любимых серых костюмов.

Естественно, что мы начали разговор о войне. «Встретила ли Германия, наконец, соответствующего по силам противника?» —

спросил я⁴. Посол взглянул на противоположную часть комнаты, затем в окно, на начинающую одеваться в сумерки Москву.

Он не спешил с ответом. Чувствовалась его подготовка, которую он получил в качестве члена нью-йоркской адвокатуры, и имея продолжительную связь с участниками его прежней фирмы «Гугенхейм, Унтермейер и Маршалл»⁵, которую он оставил, когда вступил на путь общественной деятельности⁶. Он зажег сигарету, третью за полчаса. «Чрезмерно полагать, что Советская армия в состоянии удерживать в течение неопределенного времени линию Москва–Ленинград–Киев против всей тяжести немецких сил», — сказал он, подбирая слова более тщательно, чем тогда, когда он был зарабатывавшим 15 долларов в неделю клерком-юристом 25 лет тому назад в Нью-Йорке. «Но я полагаю, что линию значительно западнее Уральских гор можно будет удерживать. Время года будет иметь чрезвычайное значение как решающий фактор в будущих операциях. После октября для немцев будет крайне затруднительно справиться с положением, при котором существовали бы чрезмерно длинные линии связи, главным образом, вследствие транспортной проблемы и проблемы питания, с которыми они столкнулись бы»⁷.

Он положил сигарету в пепельницу. Его взгляд остановился на покрытом эмалью бюсте Наполеона, стоявшем на вазе в стиле рококо в противоположной части комнаты. Наступило молчание. Затем он заговорил снова. «Скорее вероятно, чем невероятно, что история повторится», — сказал он, наконец. «История создала себе всемирно известную репутацию, поступая точно так, как она неоднократно поступала в прошлом».

Два года назад, в июле посол Штейнгардт прибыл в Москву, чтобы занять свой новый пост. До этого он был послом в Перу в течение одного года, а еще перед этим — посланником в Швеции в течение четырех лет. Он был одним из первых политических деятелей, назначенных президентом Рузвельтом вслед за вступлением последнего в должность президента в марте 1933 г. До выборов Штейнгардт являлся членом избирательного комитета, который добивался избрания Рузвельта в Чикаго.

Американские путешественники, прибывающие в СССР и не бывшие ранее знакомыми с послом, говорили, что, когда они впервые увидели его, они подумали, что он являет собой мираж. В типично американской манере при первой встрече Штейнгардт кажется настолько добрым, что этому трудно поверить. Он по-дружески относится к про-

маху и ничего плохого не видит в том, чтобы отдать вам свою последнюю американскую сигарету, когда другая пачка сигарет находится от него на расстоянии двадцати миль. В другое время он действует, как умелый профессионал: путем нескольких искусных ходов может обеспечить получение номера в отеле или билета в спальном вагоне в тот момент, когда вся Москва твердит, что ничего подобного не существует в природе. Всегда он является достойным представителем президента Соединенных Штатов Америки. Высокая оценка со стороны членов Советского правительства дается послу, и он встречается с ними, в особенности с Вячеславом М[ихайловичем] Молотовым, Народным комиссаром иностранных дел, Андреем Я[нуарьевичем] Вышинским, вице-комиссаром Иностранных дел, и Соломоном А[брамовичем] Лозовским, вице-комиссаром Иностранных дел. Он отмечает, что его личные отношения с советскими представителями дружественны и чрезвычайно сердечны. О себе он говорит, что он ведет двойную жизнь: одну в течение дня, как посол по американским делам, другую — как посол в СССР в течение ночи, когда он часто посещает Кремль для беседы в 2 часа утра⁸. Хотя он шутя говорит о продолжительных часах работы, верно то, что ему не удалось иметь еще ни одного свободного дня с момента приезда в Москву. Мы возвращаемся снова к вопросу о войне. Посол только что говорил о своей жене, урожденной Дальчи Ятс-Гофман. Она — очаровательная женщина, большого обаяния, и обладает необычайными способностями в отношении иностранных языков. На обеде в резиденции посла я мог видеть, как она беседовала с полдюжиной дипломатов из различных стран на их родном языке, а затем повернулась к советскому представителю, сидящему рядом с ней, и продолжала беседу по-русски. Посол сказал, что миссис Штейнгардт и их 15-летняя дочь Дальчи Энн⁹ успели попасть на последний самолет в Стокгольм и сейчас находятся в Швеции. Последовала минута раздумья после того, как он вспомнил о них. Последние лучи солнца падали на башни Кремля на той стороне площади.

Я задал послу несколько вопросов. Посол дал понять, что, по его мнению, Советский Союз в состоянии оказать неограниченное эффективное сопротивление при условии наличия необходимого количества военных материалов, полученного либо из его собственных ресурсов, либо из США или Британской империи.

«Не думаете ли Вы, что США могли бы оказать какую-нибудь пользу Советскому Союзу в этот момент?» — спросил я. «Американ-

ская помощь Советскому Союзу может быть неоценимой», — ответил он. «А каковы размеры помощи?» — спросил я. «Размеры помощи могут быть определены только производительностью нашей оборонительной программы и меньшими американскими и английскими потребностями», — ответил он. Посол объяснил, что, говоря о помощи, он имеет в виду военные материалы. Они включали бы в себя: самолеты, танки, моторы и зенитные орудия.

Коснувшись англо-советского пакта¹⁰, посол заявил, что этот пакт получил сердечное одобрение как в правительстве, так и среди населения СССР.

Мы выкурили еще несколько его сигарет, что является редкой привилегией в эти дни. Очень небольшое из различного рода припасов попадало в посольство в последние месяцы. Последняя отправка, получение которой заранее уже предвкушали, находилась в Финляндии у самого порога границы СССР, когда началась война. «Мы готовы держаться до тех пор, пока не окончится война», — сказал посол, — «будет ли снабжение или не будет. Я вынужден был уменьшить мой дипломатический и канцелярский штат с 60-ти до 30-ти человек. Все мы намерены наблюдать войну до конца».

Оставался еще один вопрос, который я хотел поставить. Становилось поздно, и посол сказал, что он хотел бы позвонить в дом на Спасской¹¹, сейчас являющийся официальной резиденцией посольства, которое переехало из здания посольства на Манежной площади, и сообщить каждому, кто свободен от работы, о том, чтобы они отправлялись на дачу в 20 милях на север от Москвы. Сам он не мог поступить так же потому, что у него была работа на всю ночь, но он желал, чтобы как можно больше из числа членов его миссии отправилось на отдых в дачную местность.

Еще за несколько недель до начала войны были сделаны необходимые приготовления, чтобы превратить дачу в резиденцию посольства на случай чрезвычайных обстоятельств. Под деревьями были сооружены палатки для сна и общая палатка — столовая. Небольшой домик, бывший в царские времена местом жилья сторожа, был превращен в радиостанцию, через которую ежедневно поддерживается контакт с Государственным департаментом в Вашингтоне¹².

«Думаете ли Вы, что Советский Союз нуждается в американской помощи для того, чтобы выиграть войну?» — спросил я. Посол поднялся. «Советский Союз имеет неограниченные человеческие ресурсы», — сказал он. — «Страна имеет миллионы боеспособных

людей. Сохранение на неопределенное время сильного восточного фронта до конца войны может в значительной степени быть решено военной поддержкой Америки».

Он подошел к телефону с тем, чтобы предупредить сотрудников своей миссии о необходимости отправиться на отдых на дачу. В тот момент, когда он взялся за трубку, пронзительно загудели сирены, возвещающая о воздушной тревоге. Посол повернулся. «Им придется подождать, пока это закончится. Я желал бы, чтобы я мог им позвонить как можно скорее», — сказал он.

Мы поспешно вышли из отеля, пересекли площадь и нырнули в метро. Три телохранителя НКВД из охраны посла помогали нам прокладывать путь через толпу. «Эти ребята всегда следят за мной», — сказал он, — «даже во время воздушной тревоги, хотя после моего опыта в нью-йоркском метро мне, может быть, следовало бы следить за ними».

Прозвучал отбой. Посол, а по его пятам три парня из НКВД, поспешил к телефонной будке, чтобы позвонить своим сотрудникам и предложить им отправиться на ночной отдых на дачу.

Публикуется по: АВП РФ. Ф.6. Оп. 3 АВТО. Д. 56. Папка 5. В деле присутствует подготовленный для передачи по телеграфу английский текст корреспонденции Э. Колдуэлла, завизированный подписями автора и посла США в СССР Лоуренса А. Штейнгарда (7 л. без нумерации). Был подготовлен его русский перевод (сохранился в деле, Л. 28–33), который подвергся пристальному анализу сотрудников НКВД, о чем свидетельствуют многочисленные пометы в тексте. В итоге передача текста редакции *Life* не состоялась, и интервью не было опубликовано. Причиной этого стала критика интервью В.М. Молотовым, о чем свидетельствует документ НКВД — запись беседы Молотова с послом США Л. Штейнгардом, состоявшаяся 24 июля 1941 г.:

Молотов пригласил Штейнгарда в связи с интервью, данным послом корреспонденту Колдуэллу и предназначавшимся для опубликования в журнале «Лайф». <...> Молотов зачитал Штейнгардту часть интервью, где дается следующая оценка военному положению и способности Красной Армии к сопротивлению:

«Чрезмерно полагать, что Советская Армия в состоянии удерживать в течение неопределенного времени линию Москва — Ленинград — Киев против всей тяжести немецких сил... Но я полагаю, что линию значительно западнее Уральских гор можно будет удерживать. Время года будет иметь чрезвычайное значение, как решающий фактор в будущих операциях. После октября для немцев будет крайне затруднительно справиться с положением, при котором существовали бы чрезмерно длинные линии связи, главным образом вследствие транспортной проблемы и проблемы питания, с которыми они столкнулись бы» (в рус. пер. этот фрагмент отчеркнут карандашом. — О.П., А.Ф.).

Молотов заявил, что он, во-первых, не может согласиться с оценкой, данной Штейнгардтом положению Советской Армии, так как эта оценка совершенно не соответствует действительности. Во-вторых, он должен сказать, что поскольку дело идет о возможности опубликования такого заявления в печати, то это вызывает большое удивление у Советского правительства, оценивающего такое заявление официального представителя США как неLOYALный шаг по отношению к Советскому Союзу.

Штейнгардт начал пространно и красочно объяснять причины, побудившие его дать интервью — первое за все время его пребывания в Советском Союзе. Штейнгардт ставит перед собой цель: дать американской публике изображение действительного положения, с тем чтобы американская публика не ожидала от Советской Армии слишком многого. Штейнгардт считает, что американская публика должна быть уверена в способности Красной Армии сопротивляться, независимо от того, где она будет бороться, и независимо от того, какие будут территориальные потери в связи с ходом военных действий. Хорошо зная психологию американцев, заявил Штейнгардт, он должен отметить, что в настоящий момент в представлении американцев имеется воображение оборонительной линии, которая проходит через Ленинград — Москву — Киев. Американцы считают эту линию последним рубежом обороны Советского Союза. Если эта линия будет прорвана, то американцы будут считать, что Советский Союз разбит и что оказание обещанной Соединенными Штатами помощи уже будет бесполезно. Имея это в виду, Штейнгардт хотел убедить американцев, что даже переход немцами линии Ленинград — Москва — Киев не означает конца сопротивления Советской Армии и что Советский Союз будет иметь другую линию обороны, на которую он отойдет и на которой он будет продолжать драться с врагом. Штейнгардт заявил, что он желает оказать помощь Советскому Союзу и что, именно опасаясь того, что американская публика подумает, что Советский Союз будет разбит, после того как Красная Армия отойдет за линию Ленинград — Москва — Киев, он и дал упомянутое интервью.

Заявив, что он понимает, что посол имеет вполне добрые намерения, Молотов согласился, что, конечно, в войне надо считаться с возможностью создания очень трудного положения. Однако говорить в настоящий момент относительно быстрого овладения линией Ленинград — Москва — Киев, о чем не мечтают даже сами гитлеровцы, попавшие сейчас в критическое положение, не будет являться актом содействия и поддержки СССР в борьбе против фашизма, а, наоборот, может создать у читателей панические настроения. Молотов еще раз повторил, что появление в печати указанного заявления Штейнгардта Советское правительство рассматривало бы как неLOYALный шаг в отношении СССР. В ответ на заявление Штейнгардта, что советская цензура может при несогласии с ним вычеркнуть нежелательное, Молотов предложил Штейнгардту самому сделать соответствующий вывод из их беседы.

Штейнгардт опять начал пространно повторять высказанные им мотивы <...> В обиженном тоне Штейнгардт заявил, что вообще он не обязан никому давать интервью, что он интервью вообще может не давать и что он готов вычеркнуть указанное Молотовым место и все другие нежелательные места своего интервью.

Молотов заявил, что давать или не давать интервью — это дело самого посла и что он не может советовать, как поступить с интервью. <...> Молотов заявил, что он имеет в виду именно то место в интервью, где говорится о дальнейшем сопротивлении Красной Армии и о военном положении в Советском Союзе, Оглашение этого интервью в настоящий момент не принесет ни Советскому Союзу, ни Красной Армии не только ничего хорошего, но, наоборот, может принести

вред. Тем большее значение имеет подобное заявление, когда оно делается таким официальным лицом, как посол США. В то время, заявил Молотов, как официальные представители американского правительства Рузвельт и Уэллес высказались за всемерную помощь СССР в борьбе против фашизма, такое официальное лицо, как посол США, санкционирует опубликование интервью, которое не только не может оказать СССР и Красной Армии обещанной американским правительством помощи, но, наоборот, может причинить вред.

Штейнгардт заявил, что он ставит перед собой целью оказание всякой помощи Советскому Союзу, что он и старался всегда сделать, однако, он примет заявление Молотова к сведению. Штейнгардт просил Молотова вернуть ему интервью, которое он, возможно, вообще порвет и не будет опубликовывать.

Уже прощаясь с Молотовым, Штейнгардт еще раз повторил, что он вообще не должен и не обязан давать никаких интервью, и что интервью, о котором шла речь, не появилось бы в печати раньше, чем через 8—10 недель.

(Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом США в СССР 24 июля 1941 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы: в 2 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 1: 1941–1943).

¹ Лилли Лэнгтри (Lillie Langtry, наст. имя Эмили Шарлотта Ле Бретон, 1853–1929) — великая британская театральная актриса и светская львица, известная своими романами с представителями высшей английской аристократии. В 1897 г. стала гражданкой США.

² Дороти Ламур (Dorothy Lamour, 1914–1996) — американская актриса, ставшая популярной в 1936 г. благодаря роли в Улу в фильме «Принцесса джунглей». Прославилась также участием в фильмах серии «Дорога на...», наиболее известными из которых стали «Дорога на Занзибар» (1941) и «Дорога в Марокко» (1942). Во время Второй мировой войны входила в число самых популярных актрис, чьих фотографии вали на плакаты для американских военных.

³ Последний день четвертой недели войны — 19 июля 1941 г. Интервью, судя по всему, проходило в гостинице «Националь», где жили Колдуэлл Бурк-Уайт. Площадь, соседняя в Кремлем и Красной площадью, — видимо, Манежная.

⁴ В документе подчеркнуто карандашом.

⁵ Guggenheimer, Untermeyer & Marshall — престижная юридическая фирма, созданная в Нью-Йорке в начале 1880-х и названная по именам ее создателей (Рэндольф Гугенхаймер, Айзек и Сэмюэл Унтермайер, Луис Маршалл). Лоуренс А. Штейнгардт был сыном банкира Адольфа Максимилиана Штейнгардта и Эдди Унтермейер-Штейнгардт, сестры знаменитого юриста Сэмюэла Унтермайера, и приходился последнему племянником.

⁶ Лоуренс Штейнгардт работал в фирме «Гугенхеймер, Унтермайер и Маршалл» с 1920 по 1933 гг. Он поддерживал в выборной кампании Франклина Д. Рузвельта и после его победы в 1933 г. сменил профессию, став дипломатом: сначала он стал посланником в Швеции (1933–1937), затем Послом США в Перу (1937–1939), СССР (1939–1941), Турции (1942–1945), Чехословакии (1945–1948), Канаде (1948–1950).

⁷ Этот абзац отчеркнут в документе карандашом вертикальной чертой на полях.

⁸ В документе подчеркнуто карандашом.

⁹ Жена Л. Штейнгардта — Далси Тереза Сесил Хоффман-Штейнгард (Dulcie Therese Cecile Hoffmann Steinhardt, 1895–1974), дочь Далси Энн Штейнгардт-

Шерлок (Dulcie Ann Steinhardt Sherlock, 1925–2001). Перед началом бомбардировок Москвы люфтваффе Штейнгардт отправил жену и дочь с ее гувернанткой в Стокгольм на одном из последних самолетов, вывозивших семьи дипломатов из СССР.

¹⁰ 12.07.1941 г. было заключено Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии.

¹¹ Спасо-хаус или особняк Второва — историческое здание (Спасопесковский пер. 10), которое с 1933 г. арендуется США как резиденция Посла США в СССР.

¹² Штейнгардт старался сделать все возможное для обеспечения безопасности своих сотрудников. Он лично следил за ходом эвакуации и сопровождал работников посольства США в Куйбышев на поезде, который в течение семи дней шел к месту назначения. Убедившись, что весь дипломатический корпус размещен в пригодных для жизни помещениях и снабжен достаточным запасом продуктов, Штейнгардт вернулся в Москву, где продолжал работу в посольстве с оставшимся там базовым штатом из 6-ти сотрудников. Посол приложил все усилия, чтобы после начала войны эвакуировать из Советского Союза представителей американской прессы. Он предлагал помощь в организации отъезда из СССР также Колдуэллу и М. Бурк-Уайт, но они отказались покинуть Москву. Когда М. Бурк-Уайт в конце июля 1941 г. снимала с крыши Спасо-хауса немецкие авианалеты, Штейнгардт несколько раз сопровождал ее. Один из ее фоторепортажей, задокументировавший бомбардировки Москвы, был напечатан в журнале *Life* (*Life* 11, no. 9 (1 Sept. 1941): 15–21).

© 2023, О.Ю. Панова, А.С. Фисенко

Дата поступления в редакцию: 22.05.2023

Дата одобрения рецензентами: 10.06.2023

Дата публикации: 25.06.2023

© 2023, Olga Yu. Panova, Aleksandra S. Fisenko

Received: 22 May 2023

Approved after reviewing: 10 Jun. 2023

Date of publication: 25 Jun. 2023